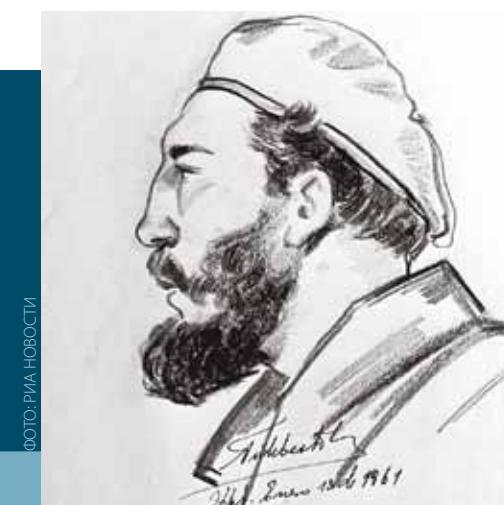


КУЛЬТУРА

Духовное пространство русской Евразии

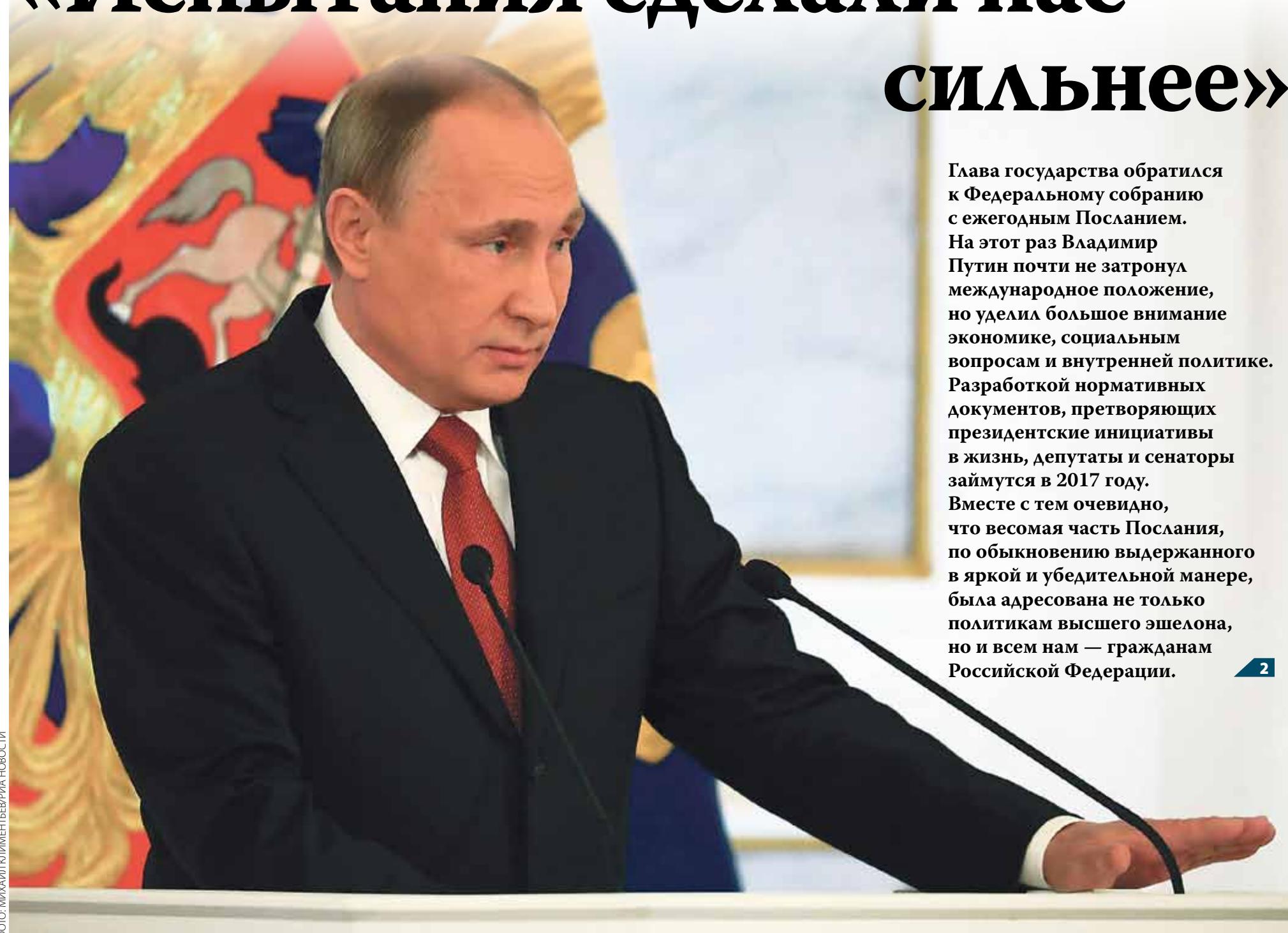
2–8 декабря 2016 года № 43 (8029) Издается с 1929 года



Фидель умер.
Да здравствует
Фидель!

www.portal-kultura.ru

«Испытания сделали нас сильнее»



Глава государства обратился к Федеральному собранию с ежегодным Посланием. На этот раз Владимир Putin почти не затронул международное положение, но уделил большое внимание экономике, социальным вопросам и внутренней политике. Разработкой нормативных документов, претворяющих президентские инициативы в жизнь, депутаты и сенаторы займутся в 2017 году. Вместе с тем очевидно, что весомая часть Послания, по обыкновению выдержанного в яркой и убедительной манере, была адресована не только политикам высшего эшелона, но и всем нам — гражданам Российской Федерации.

2

Нерушимой
стеной обороны
стальной



Иван РЫБИН

Министерство обороны сняло гриф секретности с ряда документов грозного 1941-го. В том числе прояснились некоторые белые пятна, связанные с Битвой за Москву, 75-я годовщина которой отмечается в эти дни.

Поздней осенью первого года войны вермахт был остановлен на подступах к столице в кровопролитных боях, нашествие фашистов выдохлось, разбившись о мужество советских воинов, в чистом поле разгромивших врага. Это действительно правда. Как и то, что Первопрестольную в считанные месяцы успели прикрыть мощными оборонительными рубежами. Здесь немцы обломали зубы, отсюда началось и контрааттакование.

Хай-тек и смекалка

Согласно недавно опубликованным сведениям решение о создании 3-й линии Московской зоны обороны (МЗО) приняли лишь 12 октября 1941 года (постановление ГКО №768сс). Хотя планы по защите столицы начали разрабатывать еще в мирное время.

5

В номере:

Звание — сила?

Право на православие

Замерзающие души

Полк с Уолт-стрит
«Авторское право»

Дочки-матушки

Как стать идеальной женой священника

Белый стих

На Петербургском форуме представят проект «Кинопоэзия»

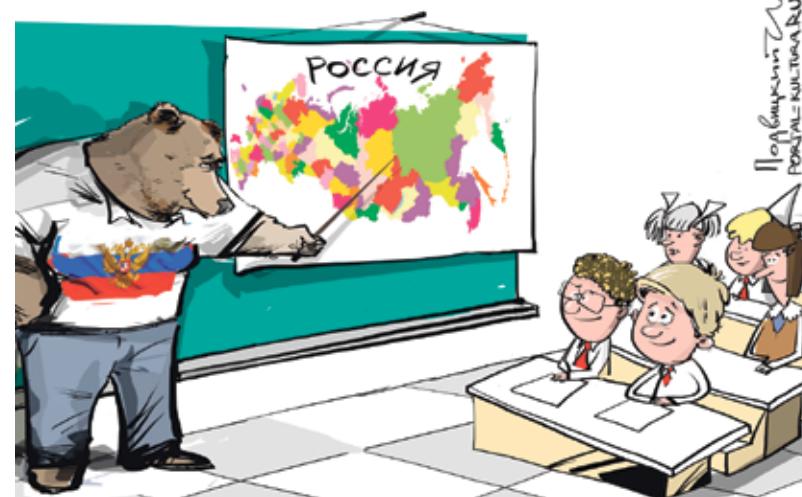
Владимир Хотиненко:
«Во многом именно честолюбие определило мою судьбу»

«Метаморфозы» продолжаются

Спектакль студентов Академии Михалкова показали в РАМТе

Софья-пересмешница
Новый сериал на «России-1»

Алексей Лубков:
«Учитель — не продавец услуг, а ученик — не потребитель»



Андрей САМОХИН

Рокировка, которую на днях произвела министр образования и науки РФ Ольга Васильева в ключевом для отрасли Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), вызвала шок у определенной части профессионального сообщества и нескрываемую радость у другой. Последние три года возглавлявший вуз Алексей Семенов проводил слишком смелые «инновации» — еще в 2014-м немалая часть преподавателей обратилась к Владимиру Путину с просьбой убрать от них ректора, гробящего педагогическую подготовку. Дмитрий Ливанов прикрыл тогда реформатора от профессорского гнева своей властью. Но сменившая его Васильева, зная не понаслышке о проблемах старейшего педвуза, отправила Семенова в отставку, назначив и.о. ректора выходца из МПГУ — бывшего проректора по науке и бескомпромиссного критика семеновской политики Алексея Лубкова.

Привет, «Артист»

Ксения ПОЗДНЯКОВА

В Большом зале консерватории впервые состоялся кинопоказ. Для дебюта выбрали черно-белую немую ленту Мишеля Хазанавичуса «Артист». Картину, удостоенную пяти статуэток «Оскара», продемонстрировали в сопровождении Московского академического симфонического оркестра под управлением Павла Когана. За дирижерским пультом — голландский маэстро Эрнест ван Тил. У рояля — автор музыки, лауреат премии «Оскар» Людовик Бурс. На экране — великолепные Жан Дюжарден и Беренис Беко. На два вечера Консерватория превратилась в типичный кинотеатр начала 20-х и подарила публике встречу с золотым веком Голливуда.

14

Людовик Бурс, Жан Дюжарден и Мишель Хазанавичус



Сарик Андреасян:

«Россия всегда готова подставить плечо Армении»



Алексей КОЛЕНСКИЙ

На экранах «Землетрясение» Сарика Андреасяна — Арама о борьбе с последствиями катастрофы, эквивалентной взрыву десяти ядерных бомб.

культура: Вы постановщик развлекательных картин. Понимаете чувство, что садитесь не в свои сани?
Андреасян: Желание сделать фильм о Спитакской трагедии 1988 года было со мной всегда. Встречался с выжившими людьми, спасателями, слушал истории очевидцев. Яшел к «Землетрясению» пять лет. Первым шагом стал сюжетный ролик, снятый для раскрутки мелодрамы «Мамы». Он набрал миллионы просмотров. Подумал: «Ого, выходит, я кое-что в этом понимаю».

11

ДВИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Завершился фестиваль балета «Дягилев Р.С.»



10

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ

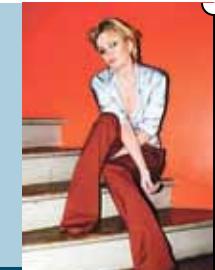
К 90-летию со дня рождения Петра Вельяминова



12

ПАТРИСИЯ КААС:

«Пора жить на всю катушку»



14

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ:

«Свое брал на последних метрах дистанции»



15

16 плюс

ISSN 1562-0379



16.0.4.3

91771562037001

Алексей Лубков:

«Учитель – не продавец услуг, а ученик – не потребитель»

1 Профессиональный педагог, доктор исторических наук Алексей Владимирович – давний друг нашей газеты. Поэтому именно «Культуре» он любезно согласился дать свое первое интервью на новом высоком посту.

Культура: Какие чувства вызвало у Вас назначение? Как отнеслись к нему студенты и профессорский состав?

Лубков: Что касается второй части вопроса, то, кажется, большинство преподавателей, особенно те, кто меня хорошо знает и помнит, восприняли мое назначение с облегчением и признательностью – в первую очередь к Ольге Юрьевне Васильевой.

Сам же я испытываю сложный набор чувств: благодарность за высокое доверие, ответственность за очень важный с точки зрения будущего государства участок работы, радость возвращения в родной дом. Я ведь именно так воспринимаю МПГУ. Два последних года, с тех пор как я ушел с поста проректора, не согласившись с политикой Алексея Львовича Семенова, я напрямую не был связан с университетом. А вся моя жизнь до этого как раз принадлежала альма-матер: на истфаке бывшего ленинского пединститута я учился, ездил в страйт-парки, входил в комитет комсомола вуза, окончил аспирантуру, преподавал как профессор и возглавлял кафедру... Оказавшись вне дорогих стен, сильно переживал за то состояние, в котором пребывал МПГУ.

Культура: А в каком состоянии он, собственно, пребывал? Профессора, критиковавшие Семенова за сокращение и облегчение предметной программы, говорили, что один из ведущих университетов страны опустился чуть ли не до уровня заштатного педучилища...

Лубков: Скажу мягко: далеко не все из того, что было сделано за период, так называемой реформы, можно принять. Я обращал два года назад внимание предыдущего ректора на то, что письма протеста, исходящие из стен МПГУ, возникают не на пустом месте, – проблемы, в них изложенные, требуют решений. Многие положения из тех петиций я разделяю, о чём прямо говорил на ученом совете.

Но я бы не хотел все сводить к персоналиям. Поймите, вообще не в стиле нашего вуза негативно отзываться о предшественнике. Это принципиальная установка, она базируется на непрерывности истории института, когда отрицательный опыт так же ценен, как и положительный. Если его, конечно, спокойно и вдумчиво проанализировать и извлечь уроки на будущее. Такой синтез гораздо продуктивнее, чем тратить сил на сведение счетов с прошлым. Думаю, это относится и в целом к стране и ее истории.

Одна из составных миссий нашего университета в том, что в разные эпохи он всегда отыгрался на запросы времени – задачи, стоящие перед государством и обществом. Так проходило со времен основания вуза в 1872 году, когда профессор истории Императорского московского университета Владимир Иванович Герде с одобрением Александра II учредил Московские высшие женские курсы – первые в России. Из частной образовательной инициативы родилось заведение общегосударственного значения. Недаром в 1918-м МВЖК было преобразовано во Второй МГУ.

Помимо задач широкого женского образования в стране в нашем вузе изначально развивалась высокая наука. Именно в его стенах Василий Ключевский фактически апробировал свой курс русской истории. Первым избранным директором у нас был Владимир Вернадский, но не смог исполнить обязанности из-за политического момента. И тогда директором стал выдающийся механик и математик



ФОТО: VLADLEN SKYLINK



теллекуально колеблющиеся, и наша задача завоевать их умы глубиной анализа и профессионализмом, а не лозунгами и манипуляциями.

Культура: В этом контексте, на-верное, трудно переоценить роль школьного учителя?

Лубков: Вот именно. Об этой роли уже давно высказано немало афористичных суждений, не буду повторять их. Отмечу лишь, что я бесконечно поддерживаю позицию нового министра образования, которая практически сразу после назначения заявила, что задача педагога отнюдь не в формировании квалифицированного потребителя, некоего «всечеловека» глобального мира, а в воспитании российского гражданина, патриота своей страны, помнящего и чувствующего духовно-нравственные начала, завещанные предками. То есть учителю надо вернуть роль воспитателя. А в переложении к педвузу – не только образовать, но и воспитать личность студента, который сможет потом, в свою очередь, воспитывать учеников.

Культура: Очевидно, сделать это будет непросто – слишком много ядовитых посевов вдохнуло за два десятилетия на ниве образования, слишком буйно колосятся в нем невежество, равнодушие, цинизм...

Лубков: Конечно, непросто, но, я уверен, не все потеряно. Каждый час, каждая минута урока, особенно в гуманитарных дисциплинах – это борьба за умы и сердца наших детей. И сейчас еще, несмотря на весь прессинг с противоположной стороны, сохранились учителя, которые чувствуют себя не просто менеджерами-«урокодателями». Есть и такие же университетские профессора. Я лично знаю многих из них. Самая главная задача школы и вуза, как мне представляется – ретрансляция ценностей и традиций русской культуры. Это и ответ на вопрос об «идеологическом стержне» образования. Вот он – социокультурное послание наших предков. Человек, который может раскрыть имманентные и вневременные смыслы этого послания, – как раз и есть педагог в истинном понимании профессии.

Лубков: Ну да, старый знаменитый вопрос «глупость или предательство?»... Можно бы, конечно, свести ответ к априорированной формулировке: мол, было и то, и другое, и еще что-то третье. Но, изучая не первый год работу наших, так скажем, оппонентов, констатирую: многие процессы здесь были глубоко продуманы далеко вперед. Форсайты до 2035 года некоторых реформаторов совершенно откровенно в перспективе ставят под сомнение суверенность России не только в образовании, но и в любой сфере политики. Глобализация – процесс, который предполагает активное влияние определенных групп на принятие стратегических решений госчиновниками, на формирование соответствующего общественного мнения, организационных предпосылок. Эти векторы влияния надо внимательно оценивать, анализировать и делать публичные выводы: общество должно быть информировано о том, куда его предлагаю завести.

Важно понять еще вот что. Противостояние государственно-национальной и, условно назовем ее, ускоренно-глобалистской стратегий проходит на самых разных уровнях. Но, может быть, самый главный из них – ум и сердце каждого человека. Ведь речь идет о противоборстве ценностей и смыслов, далеко не для всех очевидных. Сознательно выбравших ту или иную сторону – абсолютное меньшинство. Большинство же людей слабо или совсем не понимает сути происходящего, поэтому может ситуативно клюнуть туда или сюда. Есть ин-

Сергей Чаплыгин, построивший замечательный Главный корпус института. Это наша славная история, которая привела к тому, что МПГИ имени Ленина по праву называли флагманом педагогического образования в СССР. Его опыт охотно следовали и в других странах, в том числе так называемых развитых капиталистических.

После назначения я уже побывал на ряде факультетов университета. Люди были искренни – делились теми тревогами, опасениями и надеждами, которые они испытывают в результате смены руководства. Тогда атмосфера, сопровождавшая эти встречи, вдохновляет меня на нормальную созидательную работу – без ломки и потрясений.

Считаю, что у нас очень много наболевших проблем, их надо немедленно решать – но искрительно с опорой на мнение коллектива. Позитивная программа развития уже в общих чертах видна. Структуризация и реформация университету, безусловно, нужны, только проводить их необходимо в условиях широкого диалога, привлекая к ним и студентов.

Культура: Есть ли желающие уйти в отставку из числа приверженцев прежнего ректора?

Лубков: Она критична. Но как руководитель университета я не хотел бы сгущать краски в той степени, в какой это допустимо для сторонних публицистов. Глубоко убежден – исправлять положение изнутри следует не збудородительной критикой, а системными позитивными решениями, конкретными мерами, которые прекрывают негативные процессы позитивными контрпроцессами.

Культура: Не стоит ли, наконец, отказаться от Единого государственного экзамена и болонской системы, перейдя на обязательный полный цикл подготовки специалистов, как раньше?

Лубков: Отказаться от ЕГЭ сейчас – значит устроить еще большую встрижку и неразбериху, чем была при его введении. То же самое касается бакалавриата и магистратуры. При этом у нас в МПГУ есть внятные идеи по совершенствованию данной системы в педагогическом образовании. Возможно, это будет сдвоенный многопрофильный бакалавриат, предлагающий поддагогов, то они все бакалавры: то есть отучились всего 4 года, что, конечно, мало. Специалист сохранился лишь в дефектологии. Окончившие же магистратуру идут далее – через аспирантуру в науку и получают диплом школьного исто-

рика, преподавателя обществоведения с дополнительной специальностью «советское право». И все эти направления серьезно обеспечивались учебными планами института: 500–600 часов удавалось только правовыми дисциплинам.

В общем, считаю, надо уже принять с Запада формы наполнить другим, более соответствующим национальным традициям и государственным

лические кадры. Во всяком случае так должно быть, на мой взгляд. А бакалаврам за счет сдвоенного профиля обучения, как я уже говорил, следовало бы учиться пять лет. Для сельских малокомплектных школ специализацию разумно было бы сделать тройную. Но нам только предстоит договориться с государством и работодателями о согласованном видении учительской подготовки.

Культура: Нужна ли, по-Вашему, молодым учителям, отправляющимся преподавать на село, госпрограмма поддержки, аналогичная «Земскому доктору» в медицине?

Лубков: Безусловно! Такая программа стала бы очень полезным шагом. Я выступаю против понятия «универсальный педагог» для села, правильнее – «многопрофильный». Обучающиеся профилями в этом случае можно укрупнить: естественно-научный, филологический, социогуманитарный. Кстати, на недавнем форуме сельской молодежи сами выпускники-педагоги говорили о необходимости возвратиться к специальности – для подготовки именно таких многопрофильных сельских учителей. Ну и материальная поддержка государства может в этом случае оказаться решающей.

Земская тема вообще выходит далеко за ведомственные рамки – я вижу ее как общегосударственный проект по разным направлениям, рассчитанный на сохранение и возрождение нашей глубинки, а значит, и всей России. Если в селе есть врач, учителя и священник – оно не умрет. Это триединая российская формула. Позволило себе небольшую ретроспективу. У нас по советской инерции часто критически относятся к таким консервативным, «охранным» деятелям, как издатель и публицист Михаил Катков и обер-прокурор Синода Константина Победоносцев...

Культура: Блок же нам поведал про последнего, что он «над Россией простирает совинные крыла»...

Лубков: Да, только, кроме крыл, Победоносцев еще раскинулся по всей империи сеть церковно-приходских школ и училищ «шаговой доступности», которую активно поддерживал Катков. Она сыграла выдающуюся роль в начальном образовании народа: программу «Всеобщую большевики запускали не на постом месте. Ну а Михаил Никифорович, кроме того, разработал принципы «классического

образования» в своем Московском Императорском лицее в память цесаревича Николая. Возрождение сегодня в новом формате земских школ, земских начальных и органов самоуправления я считаю исключительно важной задачей. Опыт советско-земского взаимодействия в 1917–1918 годах сыграл существенную роль в сохранении многих общественных – государственных функций на местах во время фактического распада страны. Это очень эффективная участковая система, помогающая сбережению народонаселения, и думается, что Солженицын, именно так трактовавший земское самоуправление в известном эссе, был прав.

Культура: Считаете ли Вы развал среднего, специального и во многом высшего образования в РФ за время «реформ» результатом некомпетентности? Или это глубоко продуманная схема?

Лубков: Ну да, старый знаменитый вопрос «глупость или предательство?»... Можно бы, конечно, свести ответ к априорированной формулировке: мол, было и то, и другое, и еще что-то третье. Но, изучая не первый год работу наших, так скажем, оппонентов, констатирую: многие процессы здесь были глубоко продуманы далеко вперед. Форсайты до 2035 года некоторых реформаторов совершенно откровенно в перспективе ставят под сомнение суверенность России не только в образовании, но и в любой сфере политики. Глобализация – процесс, который предполагает активное влияние определенных групп на принятие стратегических решений госчиновниками, на формирование соответствующего общественного мнения, организационных предпосылок. Эти векторы влияния надо внимательно оценивать, анализировать и делать публичные выводы: общество должно быть информировано о том, куда его предлагаю завести.

Важно понять еще вот что. Противостояние государственно-национальной и, условно назовем ее, ускоренно-глобалистской стратегий проходит на самых разных уровнях. Но, может быть, самый главный из них – ум и сердце каждого человека. Ведь речь идет о противоборстве ценностей и смыслов, далеко не для всех очевидных. Сознательно выбравших ту или иную сторону – абсолютное меньшинство. Большинство же людей слабо или совсем не понимает сути происходящего, поэтому может ситуативно клюнуть туда или сюда. Есть ин-



ФОТО: MIGUEL GALLARDO/AGENCE FRANCE PRESSE

Последний из отцов

Михаил БУДАРАГИН

Смерть Фиделя Альвардо Кастро Руа, человека, не нуждающегося ни в каких дополнительных эпитетах, трудно назвать неожиданной. Он сам предупреждал о ней не раз, говоря: «В день, когда я умру, никто в это не поверит! Прах команданте, ушедшего в мир иной 25 ноября, торжественно пронесут по Острову Свободы, и 4 декабря захоронят в Сантьяго-де-Куба.

Лидер кубинской революции родился в далеком 1926 году и прожил жизнь, полную глубокого и отчаянного смысла. Фидель был больше любой из должностей, которые занимал. Шел 1959-й, за широкой фигуру которой мачили революционное движение и тюремные застенки, партизанская война, победа и Че Гевара. В июне 1961-го Кастро становится Первым секретарем ЦК компартии Кубы, но мало ли было «первых», «секретарей» и даже «партий», разбросанных по разным уголкам земного шара? Иного же «Острова свободы» в истории цивилизации не найдете. Человек — не сумма записей в трудовой книжке и не число наград, доказывал Фидель. Он, сын землевладельца, очередной потенциальный латифундист, рвет с собственной семейной биографией и скитается по Латинской Америке, чтобы воплощать идеи, кажущиеся ему верными. А вот он — уже вождь победившей революции — лежит в Советский Союз встретиться с Юрием Гагарином, увидевшим планету крохотной с высоты, какая не снилась еще никому.

Мир — маленький, а человек — большой. Сегодня эта мысль представляется крамольной, и какой-ни-

будь политкорректный до мертвенней белизны западный автор, из тех, кто всегда поддерживал блокаду Кубы (чтобы люди знали, каково это — не подчиняться хозяину), умрет, но не скажет такого никогда. Однако XX век был эпохой людей, чьи имена звучали как пароль, поднимая на танки, повод для гордости или скорби: именно эту идею так стараются выгравить сегодня те, кто пишет, что «Фидель вверг Кубу в нищету», «потякал своим амбициями» и прочее.

Риторика борьбы с мертвым Кастро проста: сиди и не высовывайся. Поднял голову — трагически погибни, как Пабло Неруда, великий латиноамериканский поэт, чилич, не захотевший мириться с режимом Пиночета. Че Гевара, соратника Фиделя по революционной борьбе, принимают и любят: его изображения помещены на футболки, значки и кружки, продавая павшего давным-давно героя по сходной цене. Кастро — выжил, возглавил страну, взял на себя ответственность за все, что происходило с ней дальше.

Из великой когорты душе, каудильо, вождей XX века, он стал самым настоящим, самым искренним и несгибаемым отцом нации.

Но важно еще и то, что пламенный трибун умел быть pragmatikom, отказавшись от довольно популярной до сих пор в среде левых интеллектуалов идеи о permanentной революции. На самом деле каждый народ волен сам выбирать свою судьбу. Кто-то отказывается признавать над собой власть Хилари Клинтон, искренне хохочущий над трагически погибшим Каддафи. Такого не могло быть, но такое случилось. Подобно тому, как совершенно удивительным образом выстояла после краха СССР и свободная Куба.

Фидель Кастро был pragmatikom невозможного. Делай, что должен, и тогда случится то, чего, каза-

лось бы, не может произойти, ибо весь мир против тебя. Не суетись, не разменивайся на мелочи, но и не медли, когда время подсказывает, что действительно пора.

ХХ век выковывал таких людей из бронзы и стали. Каким будет ХХI столетие, начинающееся 26 ноября 2016 года, со смертью Кастро? Некалендарный прошлый век открылся в 1914-м большой войной, ее назвали Первой мировой: тогда под грохот величественных орудий пала эпоха национальности, газовых фонарей и курортных споров о будущем Европы. Грядущее отныне принадлежало всему миру, частью которого стал командант Фидель.

Сегодня, когда нет больше отцов наций, за все придется вести тяжелейшую войну, на каждом маленьком участке фронта. Глобализм кидалов, «взрослых детей», кому и в 30 лет нужно менять штаны и вытирая сопли, сталкивается с явным и страстным нашим желанием не умирать в душной, стерильной, предсказуемой до цвета занавесок больничной палате, где нельзя сделать шаг, чтобы не уткнуться в очередное чадо со сломанным айфоном. Такая трагедия, такая трагедия...

Наступление этого ада можно или отсрочить, или предотвратить.

«Жизнь уже дала ему достаточно оснований полагать, что никакое поражение никогда не бывает последним» — написал Габриэль Гарсия Маркес о Симоне Боливаре, одном из ячейчевых героев Латинской Америки, чьи черты легко угадываются в персонаже романа «Генерал в своем лабиринте». Эта книга написана и о Фиделе Кастро, который из лабиринта выбрался, пережил свои поражения, разбил всех врагов, умер, но победил, оставив нам надежду на то, что ХХI век можно прожить лучше, чем двадцатый.

Ответ хулиителям Фиделя

Вы вот, граждане, пишете, что Кастро умер шутом. Но кем мы себе ни кажемся, а тоже умрет потом. Оно никого не минует, но в наш печальный черед Поменьше народу скручинится, поменьше слезу пролет. Давайте вместе подумаем без злобы и клеветы: Диктатор уходит — а улица рыдает и тащит цветы. По вашим желанным правилам должна бы проклясть коммунист, Но коры свободы и равенства у нее не проходит никак. Смотрите: папа Фиделя по вашим лекалам жил. Начавши с крестьян, поднялся, горбатился и служил. Копейку копил и песо, им выжат по капле батрак. Он сына отправил учиться на самый бургуйский юрфак. Она согласилась, не мешкая, со страстью и жаром любя, Скорее, веря, чем думая, ему отдала себя. И даже Россия хрущевская, отставив в сторонку весто, Вздыхала с завистью легко: а Кубе-то повезло... Мужик был завидный, чего уж там. В Америке даже самой С глазами горящими девушки его обступали гурьбой. А он сигарой поигрывал, что Клинтон потом переймет, И эти восторги, и ненависть ложились на сердце, как мед. Лирическое отступление, надеюсь, позвольте мне? Сигара предмет особенный, кубинская же — вдвойне. Однажды Фидель у приятеля попробовал самодел: Приятель сигары поштутил на бедрах мулаток вертел. И именно эти сигары вождь до того полюбил, Что стал их курить исключительно, а прочие позабыл. Со временем все толстосумы, была в этом хитрости цель, Выбор его оценили — ну, как же, и курит Фидель! Вот вы говорите: денежки, хеджирование, ай-ли-о, Прибыль, могущество, правила... Не стоят они ничего, Когда ты всеми членами, свободного острова вождь, Вставляешь сигарой коммунисту и «Гуантанамеру» поешь. Он обнимался с Гагарином, Подгорному ром наливал, Он говорил на площи часами — и не уставал. Кубинцы, не ставши богатыми, не грабя друг дружку, не зля, Кормились идеей живительной и тем, что рожала земля. Конечно, что вызов отчаянной империализму бросать, Надобно верных товарищей за тридевять миль отыскать. Мы были: врачи, энергетики, муха, трактора, «жигули»... В детсадиках бороды kleили, а выросли — с Кубы ушли. Мы старый запал растраничили, ували, угасли в борьбе, Устали, повызывали, скасились — и все обяснили себе: Прибыток важнее горения, копейка важнее, чем дух, А бросить в бой товарища — условие сущности брюх. Укоры совести чувствуя, послали к Фиделю гонца: Не став объяснений выслушивать, не потеряв лица, Он перестройщика выдворил, и старился за годом год; Его, это самое дивное, не сверг и не предал народ. Гаваны стены обшарпаны, и автопарк заах, Но гордо снимает кубинец руку Обамы с плеча. Мы тоже, похоже, вернулись. Надолго? Сами бы понять. Но точно знаю: Фиделя нельзя нам в себе потерять.

Владимир МАМОНТОВ



ФОТО: ВЛАДИМИР САВОСТИНОВ/ТАСС

В соболезновании кубинскому народу Владимир Путин назвал Фиделя «символом целой эпохи в новейшей мировой истории». А как Вы оцениваете роль команданте?

Результаты голосования на сайте газеты «Культура»

Романтичный, самоотверженный, очень позитивный человек.

Сын плантатора, ушедший в революцию, чтобы сделать жизнь простых кубинцев лучше. И преуспевший в этом

30%

Фидель — это мощный geopolитический фактор, полвека мешавший Вашингтону править без оглядки на собственное подбрюшье. Благодаря Кастро мир по-настоящему

59%

так и не стал однополярным

Диктатор, подобный Саддаму и Каддафи. При нем на Кубе не было даже намека на демократию. Тысячи граждан эмигрировали, чтобы не угодить в лагерь за инакомыслие

4%

Все его успехи объясняются покровительством СССР.

Масштаб личности сильно разделил сигарой, бородой

и прочими атрибутами «мачизма»

7%



ФОТО: НЕГАТИВ/ТАСС

Наш команданте

Егор ХОЛМОГОРОВ

Мир без него действительно не будет прежним. Фидель — подлинный геополитический феномен. Которому удалось драматически изменить судьбу своей страны, а вместе с нею и весь международный стратегический расклад. Провожая демиурга Острова Свободы в последний путь, мы должны вновь признаться самим себе: именно Россия — и в облике СССР, и в нынешнем — стала главным бенефициаром кубинской революции, нам чрезвычайно важно знать и помнить, кем стал для нас Фидель и чем мы ему обязаны.

Если совсем коротко — переход Кубы в стан противников США сделал невозможным глобальное господство Вашингтона.

Еще выдающийся русский географ В.П. Семенов-Тян-Шанский в начале XX века указывал на то, что великой мировой державой может стать лишь та, которая господствует над одним из трех «средиземных морей» — Восточно-Китайским, Средиземным или Карибским. Позднее эту мысль развили американский geopolитик Никлас Спикмен: США привыкли ваять честовластие над своим внутренним морем — Карибами; для этого им нужно контролировать все Западное полушарие, а в Восточном не подпускать Россию к теплым морям.

Руководствуясь очерченной стратегией, американцы окружили нашу страну сопнями военных баз, старались перекрыть любую, даже малейшую щелочку, ведущую из нее в теплые воды, настраивали против нас Турцию, держащую контроль за проливами, старались не дать нам зацепиться в Средиземном море. Как ни парадоксально, все антироссийские действия Вашингтона, в том числе и после окончания «холодной войны», — попытки перехватить Крым, провокации над Балтикой, — продиктованы желанием «защитить» свое господство в Карибском море.

И вдруг в 1959 году вся сложная многоуровневая стратегия Белого дома пошла прахом благодаря кучке революционеров, которые захватили господствующий над Карибами остров, один из первых открытых Колумбом.

Куба — сердце Нового Света, и не случайно начальным актом новорожденного американского империализма было отторжение ее от Испании.

Сейчас можно только гадать, какие обстоятельства привели к победе Фиделя, а главное — к его вражде с США. Одно известно точно: сам он этой вражды не хотел.

Администрация Эйзенхауэра, по сути, преподнесла Кубу революционерам на блюде, запретив поставлять оружие диктатуре Батисты. Во время визита

Фиделя в Нью-Йорк его встречали как модного героя, борца за свободу и демократию.

Но что-то пошло не так: неприязненное общение с Ричардом Никсоном, бывшим тогда вице-президентом, американское эмбарго на закупку кубинского сахара, высадка эмигрантов с острова в Заливе Свиней в первые же месяцы президентства Кеннеди... И вот уже Фидель — решительный враг Штатов. А для американской администрации определяющим стал голос ожесточенных кубинских беженцев, лишенных революционерами собственности. Не прошло и пяти лет, как на Кубе, пусть и недолго, погостили советские ядерные ракеты, из-за которых едва не началась третья мировая. Сами слова «карибский кризис» были кошмаром для звездополосатых стратегов. Кризис может быть берлинским, венгерским, польским, чешским, в общем, недалеко от СССР, но никак не карибским!..

Лаэрц с кошевой смертью Соединенных Штатов — Куба — внезапно очутился в советских руках, под контролем фанатичного команданте, оказавшегося весьма хитроумным государственным деятелем. Впереди в «холодной войне» игра пошла на равных — Москва получила возможность наступать. С опорой на Кубу Советский Союз влился на процессы за тридевять морей — в Латинской Америке и Африке. Распиливший сталинские корабли Хрущев убедился в ходе Карибского кризиса, что стране не обойтись без надводной морской мощи, и амандру Горшкову дали карт-бланш на создание великого океанского атомного флота СССР.

Без Кастро самый яркий период «холодной войны», когда две глобальные державы обменивались ударами по всему миру, а затем американцы вынужденно пошли на отступление в форме «разрядки», попросту непредставим. Это была его сцена, на которой он блестал. В отличие от Че Гевара, Фидель являлся не кондотьером

революции, а политиком большого стиля. Куба при нем превратилась, по сути, в этакую миниатюрную сверхдержаву, ведущую войны в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Никарагуа, подстрекавшую на противостояние Вашингтону все Западное полушарие. Кастро был вожаком тех стран третьего мира, которые по каким-либо причинам не имели прямого выхода на Кремль...

За чей счет? Издававшаяся на средства ЦРУ литература и вражды голоса убеждали советских людей в том, что кормить Кубу «слишком дорого», что мы недодаем потому, что пересчур много отдаем «паразиту» Фиделю. На деле Остров Свободы — одно из немногих действительно эффективных советских вложений в «международную солидарность»: Вашингтону приходилось отбиваться миллиардами долларов. Американцы вынуждены были рулить не из «крепости» разгромом в полмира, а из дома, у которого вот-вот полыхнет на крыльце. Кубинцы склонили нам сотни человеческих жизней — в зоне их ответственности не появлялись наши солдаты, Москва ограничивалась инструкторами.

Наконец, Фидель один из немногих, кто оказался венецианским, когда произошло крушение коммунистической идеологии. Он оставался фактором нашего влияния до конца. Не изменился, даже когда в 90-х в самой Москве повели себя по-предательски. Не будь Кубы и распространяющего его излучения, не появился бы Уго Чавес и множество других левых движений в Латинской Америке, которые заставляли Бельгийский дом нервничать и заниматься тушиением пожаров на Западе вместо добывания великой державы Востока. Куба — наш лучший geopolитический козырь в последние 60 лет. И во мнении мы этим обязаны лично Фиделю.

Кастро ушел страшно не вовремя. Именно в те дни, когда он нужнее, чем прежде. Я надеялся, его титаническая жизнестойкость даст еще лет десять, но увы... Нет никакого смысла повторять те хулы, которые возводят на него и созданную им систему западные либералы или тот же Трамп. Кастро был им врагом, а нам — другом. Невероятно талантливым, харизматичным, амбициозным и надежным. Такого друга России будет очень не хватать. А вот США, лишившись головной боли в его лице, станут гораздо более опасным и неуступчивым со-перником.

Екатерина САЖНЕВА
Нижегородская область

Длинные юбочки,
на плечиках пласти.
«Девочки, — командует
начальство. — Ну-ка,
быстро покрыли головы,
корреспондент из Москвы
сейчас вас сфотографирует».
Смущаясь, переглядываются,
смиренны все как одна.
Других, случайных, тут,
наверное, и не бывает.

Берег Волги высокий, далеко видно, хорошо слышно. Бесчисленные маковки церквей вструг. А за окном учебного класса — тоже главная русская река.

В Нижегородском православном женском духовном училище прививают послушание и нравственную чистоту. В сегодняшнем безумном мире — большая редкость. Именно здесь, с Божьей помощью, можно научиться быть прилежной женой и матерью.

Выпускают из училища согласно диплому — золотошвей и регентов-руководительниц церковного хора, по сути — опор и помощниц мужу-священнику, будущим матушек.

Духовная семинария недалече, вниз по улице. Так где же искали выпускникам себе жен, как не поблизости?

Не студентки, не послушницы — девочки. Само очарование. Истинное наше богатство. «Золотой фонд России» — как их еще здесь называют. Марии, Ксении, Полины...

В ожидании ангела

Урок церковного писнопения. В классе тишина.

Так, девочки, записываем: покаянные и умилительные песнопения содеряжат в себе исповедование грехов перед Богом, скрошение о них и моление о прощении, — скрипят под на jakiю шариковые ручки, никаких новомодных айпадов, как в старину — все от руки. Некоторые ученицы строчат вообще карандашом, а уже вечером, готовясь к предмету, обводят написанное чернилами, говорят, так лучше запоминается.

«А, знаешь, отчего никогда нельзя выходить из храма, пока не закрыты Царские врата? Это потому, что любой момент из них может вылететь ангела и взять тебя с собой. Царство Небесное», — громко шепчет одна ученица другой, в мое время так пылко разговаривали о мальчиках.

Звонок извещает о перемене — но никто не уходит, сначала молитва.

На дню по пять пар. С девяти до пяти. Церковный устав. Нравственное богословие. Пение парестное, знаменное. Сольфеджио. История РПЦ. Раньше были еще этикет и домоводство, где учили даже солить капусту, но теперь учебный план настолько плотный, что от посторонних предметов, путь и необходимых будущей жене священника, пришлось отказаться.

В первые между занятиями обед под чтение жития святых.

Готовящиеся к исповеди — ее обычно принимает нынешний директор училища иерей Александр Калаганов или духовник курса — трапезничают за отдельным постным столом.

Я попала в скромный день, не в среду и не в пятницу. Поэтому на столах котлеты и оливье, а еще мандарины. Впрочем, даже в самый строгий пост разделили еще девчам пекарчески разрешено кушать рыбу. «У меня всегда под рукой календарь, где отмечено, в какой день что можно», — рапортует заведующая трапезной Валентина Федоровна. «Я когда-то в элитном ресторане работала, осетров на зеркале в лимонном соусе приходилось готовить, — на голове у знатной поварихи вместо колпака белоснежная ажурная косынка. — Но здесь тоже интересно, необычно, и такие все девочки хорошие, ласковые, помогают нам».

Живут ученицы в общежитии, даже те, кто сами местные, из Нижнего, потому что ранний подъем и череды — церковные послушания, пение по очереди на клиросе в утреннюю и вечернюю службы, а если ехать через весь город, да еще и в час пик, то никуда не успеешь. Пробки — они уж точно от лукавого. Так что лучше всем вместе и в горе, и в радости. 24 часа в сутки.

Посменно дежурят в общежитии и три воспитательницы. Не

отходят от подопечных ни на шаг. Отлучиться в магазин или подышать свежим воздухом, конечно, можно, только прежде спроситься. Сотовые телефоны не возвращаются. Правда, запретить их пробовали, но не получилось, после отбоя девочки все равно звонили тайком, прятясь под одеялом. В итоге разрешили, все-таки XXI век на дворе.

Родом из комсомола

Бывшая директор Ольга Тюхова проработала в училище почти двадцать лет. Брошена была на амбразуру духовного фронта в самое тяжелое для страны время, в середине 90-х. О какой вере могла тогда идти речь — выжить бы. А с другой стороны — как выжить без веры?

«Неухоженные, недокормленные, самые первые наши ученицы пели на клиросе неподалеку, в Строгановском храме, в вензелях и тулах, из рта шел пар, дыханием своим они грели руки, потому что в церкви не топили, — вспоминает Ольга Николаевна. — Да и сам храм стоял черный, прокопченный. Спали девочки на железных кроватях. Я пыталась им указать: почему в шкафу беспорядок, сделайте так же, как у вас дома, — смотрят, не понимают. И мне в голову тогда пришло: а вдруг у них дома вот так и есть? Некоторые ведь даже не знали, что такое теплый туалет, пока к нам не поступили. Самые первые курсы набирали буквально с бору по сосенку, отовсюду».

Ольга Тюхова вспоминает Машу, абитуриентку из далекой глухой деревни. Пришла она с мамой и с большим тюком одежды за плечами.

«Братья Машеньку комиссия не хотела, не было у нее ни слуха, ни голоса. Но зато она призналась, как каждый день километры шла через лес, чтобы только попасть на церковную службу. Такую старательную нельзя было не принять, и я переубедила преподавателей, а сейчас Маша приняла постриг, стала монахиней в одном иерусалимском монастыре, большая для нас честь».

Духовное женское училище в Нижнем — первое подобное учебное заведение в России вообще. Оно и сейчас в своем роде осталось единственным и уникальным.

Ольга Тюхова когда-то рулила городским комитетом ВЛКСМ в Балахне, что в двух часах езды от Нижнего. Смежные это профессии — и там, и здесь работают с человеческими душами.

Была Ольга Тюхова не первым директором в училище, но проработала дольше всех, и весь год ее в этой ипостаси знает.

«На ту пору воцерковленность моя была незначительной — свечку на Пасху поставить, — признается она. — Где меня разглядел тогдашний митрополит Николай, не знаю. Но позвал на беседу раз, другой. А я все не понимала, чего от меня хотят; когда же он сказал, что именно, пришла в полнейшее недоумение — я заканчивала кандидатскую диссертацию по социальной работе, меня интересовали неблагополучные подростки. Трудные малыши и смиренные девочки — огромная пропасть между ними лежала, как мне казалось. Но митрополит сумел убедить одной лишь фразой: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

Среда теперь тут совершенно отличная от прежней — первые педагоги нередко «подаряли» (нижнее облачение православного духовенства) от «подариника» (богослужебное облачение священника и архиерея) отичить: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

— Это хобби мое, шторы придумывают, — открылась еще одному свою тайну Тюхова. — Все училище обшили по моим эскизам. Красиво, правда? А фотографию иконы видели, которую мы Путину подарили? Девочки вручную вышивали. А деньги что — в трудные времена пришлось самим добывать. Ничего постыдного в этом нет, я так считаю. Поставили меня старостой в Строгановском храме, где пели ученицы, бабушка за рубль свечку купит — нам на обед.

Достали где-то макаронную машинку, вертели вермишель из муки и воды. Что-то сами ели. Что-то продавали. Вареники лепили. Соили капусту под пекаренное.

— Вы в чудеса верите? — спрашивает директор у меня, и тут же сама отвечает: — А я вот верю. Однажды не было у нас денег даже, чтобы сахар купить. И у меня тоже в кошельке оказалось пусто. Так мне заместительница, матушка, кстати, и говорит: «Почитайте акафист Николаю Чудотворцу» — вот ведь достала, думаю я, Фома неверующая, почитала, чтобы толь-



Дочки-матушки



ко отвязаться. Не прошло и пяти минут, как останавливается у нашего крыльца машина, и мужчины оттуда выходят, тащат с собой огромный мешок. «Вам сахар не нужен? Как в сказке!.. Училище свое, по словам Ольги Тюховой, она восприняла как еще одну девочку, которую растяла день за днем, год за годом: «А сейчас я ушла оттуда — значит, читала тогдашний митрополит Николай, не знаю. Но позвал на беседу раз, другой. А я все не понимала, чего от меня хотят; когда же он сказал, что именно, пришла в полнейшее недоумение — я заканчивала кандидатскую диссертацию по социальной работе, меня интересовали неблагополучные подростки. Трудные малыши и смиренные девочки — огромная пропасть между ними лежала, как мне казалось. Но митрополит сумел убедить одной лишь фразой: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

Среда теперь тут совершенно отличная от прежней — первые педагоги нередко «подаряли» (нижнее облачение православного духовенства) от «подариника» (богослужебное облачение священника и архиерея) отичить: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

— Это хобби мое, шторы придумывают, — открылась еще одному свою тайну Тюхова. — Все училище обшили по моим эскизам. Красиво, правда? А фотографию иконы видели, которую мы Путину подарили? Девочки вручную вышивали. А деньги что — в трудные времена пришлось самим добывать. Ничего постыдного в этом нет, я так считаю. Поставили меня старостой в Строгановском храме, где пели ученицы, бабушка за рубль свечку купит — нам на обед.

Достали где-то макаронную машинку, вертели вермишель из муки и воды. Что-то сами ели. Что-то продавали. Вареники лепили. Соили капусту под пекаренное.

— Вы в чудеса верите? — спрашивает директор у меня, и тут же сама отвечает: — А я вот верю. Однажды не было у нас денег даже, чтобы сахар купить. И у меня тоже в кошельке оказалось пусто. Так мне заместительница, матушка, кстати, и говорит: «Почитайте акафист Николаю Чудотворцу» — вот ведь достала, думаю я, Фома неверующая, почитала, чтобы толь-

ко отвязаться. Не прошло и пяти минут, как останавливается у нашего крыльца машина, и мужчины оттуда выходят, тащат с собой огромный мешок. «Вам сахар не нужен? Как в сказке!.. Училище свое, по словам Ольги Тюховой, она восприняла как еще одну девочку, которую растяла день за днем, год за годом: «А сейчас я ушла оттуда — значит, читала тогдашний митрополит Николай, не знаю. Но позвал на беседу раз, другой. А я все не понимала, чего от меня хотят; когда же он сказал, что именно, пришла в полнейшее недоумение — я заканчивала кандидатскую диссертацию по социальной работе, меня интересовали неблагополучные подростки. Трудные малыши и смиренные девочки — огромная пропасть между ними лежала, как мне казалось. Но митрополит сумел убедить одной лишь фразой: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

— Это хобби мое, шторы придумывают, — открылась еще одному свою тайну Тюхова. — Все училище обшили по моим эскизам. Красиво, правда? А фотографию иконы видели, которую мы Путину подарили? Девочки вручную вышивали. А деньги что — в трудные времена пришлось самим добывать. Ничего постыдного в этом нет, я так считаю. Поставили меня старостой в Строгановском храме, где пели ученицы, бабушка за рубль свечку купит — нам на обед.

Достали где-то макаронную машинку, вертели вермишель из муки и воды. Что-то сами ели. Что-то продавали. Вареники лепили. Соили капусту под пекаренное.

— Вы в чудеса верите? — спрашивает директор у меня, и тут же сама отвечает: — А я вот верю. Однажды не было у нас денег даже, чтобы сахар купить. И у меня тоже в кошельке оказалось пусто. Так мне заместительница, матушка, кстати, и говорит: «Почитайте акафист Николаю Чудотворцу» — вот ведь достала, думаю я, Фома неверующая, почитала, чтобы толь-

ко отвязаться. Не прошло и пяти минут, как останавливается у нашего крыльца машина, и мужчины оттуда выходят, тащат с собой огромный мешок. «Вам сахар не нужен? Как в сказке!.. Училище свое, по словам Ольги Тюховой, она восприняла как еще одну девочку, которую растяла день за днем, год за годом: «А сейчас я ушла оттуда — значит, читала тогдашний митрополит Николай, не знаю. Но позвал на беседу раз, другой. А я все не понимала, чего от меня хотят; когда же он сказал, что именно, пришла в полнейшее недоумение — я заканчивала кандидатскую диссертацию по социальной работе, меня интересовали неблагополучные подростки. Трудные малыши и смиренные девочки — огромная пропасть между ними лежала, как мне казалось. Но митрополит сумел убедить одной лишь фразой: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

— Это хобби мое, шторы придумывают, — открылась еще одному свою тайну Тюхова. — Все училище обшили по моим эскизам. Красиво, правда? А фотографию иконы видели, которую мы Путину подарили? Девочки вручную вышивали. А деньги что — в трудные времена пришлось самим добывать. Ничего постыдного в этом нет, я так считаю. Поставили меня старостой в Строгановском храме, где пели ученицы, бабушка за рубль свечку купит — нам на обед.

Достали где-то макаронную машинку, вертели вермишель из муки и воды. Что-то сами ели. Что-то продавали. Вареники лепили. Соили капусту под пекаренное.

— Вы в чудеса верите? — спрашивает директор у меня, и тут же сама отвечает: — А я вот верю. Однажды не было у нас денег даже, чтобы сахар купить. И у меня тоже в кошельке оказалось пусто. Так мне заместительница, матушка, кстати, и говорит: «Почитайте акафист Николаю Чудотворцу» — вот ведь достала, думаю я, Фома неверующая, почитала, чтобы толь-

ко отвязаться. Не прошло и пяти минут, как останавливается у нашего крыльца машина, и мужчины оттуда выходят, тащат с собой огромный мешок. «Вам сахар не нужен? Как в сказке!.. Училище свое, по словам Ольги Тюховой, она восприняла как еще одну девочку, которую растяла день за днем, год за годом: «А сейчас я ушла оттуда — значит, читала тогдашний митрополит Николай, не знаю. Но позвал на беседу раз, другой. А я все не понимала, чего от меня хотят; когда же он сказал, что именно, пришла в полнейшее недоумение — я заканчивала кандидатскую диссертацию по социальной работе, меня интересовали неблагополучные подростки. Трудные малыши и смиренные девочки — огромная пропасть между ними лежала, как мне казалось. Но митрополит сумел убедить одной лишь фразой: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

— Это хобби мое, шторы придумывают, — открылась еще одному свою тайну Тюхова. — Все училище обшили по моим эскизам. Красиво, правда? А фотографию иконы видели, которую мы Путину подарили? Девочки вручную вышивали. А деньги что — в трудные времена пришлось самим добывать. Ничего постыдного в этом нет, я так считаю. Поставили меня старостой в Строгановском храме, где пели ученицы, бабушка за рубль свечку купит — нам на обед.

Достали где-то макаронную машинку, вертели вермишель из муки и воды. Что-то сами ели. Что-то продавали. Вареники лепили. Соили капусту под пекаренное.

— Вы в чудеса верите? — спрашивает директор у меня, и тут же сама отвечает: — А я вот верю. Однажды не было у нас денег даже, чтобы сахар купить. И у меня тоже в кошельке оказалось пусто. Так мне заместительница, матушка, кстати, и говорит: «Почитайте акафист Николаю Чудотворцу» — вот ведь достала, думаю я, Фома неверующая, почитала, чтобы толь-

ко отвязаться. Не прошло и пяти минут, как останавливается у нашего крыльца машина, и мужчины оттуда выходят, тащат с собой огромный мешок. «Вам сахар не нужен? Как в сказке!.. Училище свое, по словам Ольги Тюховой, она восприняла как еще одну девочку, которую растяла день за днем, год за годом: «А сейчас я ушла оттуда — значит, читала тогдашний митрополит Николай, не знаю. Но позвал на беседу раз, другой. А я все не понимала, чего от меня хотят; когда же он сказал, что именно, пришла в полнейшее недоумение — я заканчивала кандидатскую диссертацию по социальной работе, меня интересовали неблагополучные подростки. Трудные малыши и смиренные девочки — огромная пропасть между ними лежала, как мне казалось. Но митрополит сумел убедить одной лишь фразой: «Мне не нужны твои знания, мне нужно твоё сердце».

— Это хобби мое, шторы придумывают, — открылась еще одному свою тайну Тюхова. — Все училище обшили по моим эскизам. Красиво, правда? А фотографию иконы видели, которую мы Путину подарили? Девочки вручную вышивали. А деньги что — в трудные времена пришлось самим доб

Владимир Хотиненко:

«Во многом именно честолюбие определило мою судьбу»

Сергей ШУЛАКОВ

В издательстве «Эксмо» вышла книга российского кинорежиссера Владимира Хотиненко «Зеркало для России».

Возможно, помимо авторской воли повествование делится на три части. Главы с «Раннего детства» по «Свердловскую киностудию» воспринимаются как автопортрет. Те, что поименованы названиями фильмов с указанием года выхода: «Один и без оружия» (1984) — «Поп» (2009), в основном рассказывают об отечественном кинематографе. В особый, философский раздел складываются главы «Достоевский» (2010), «Бесы» (2014) и «Вместо эпилога».

Заголовок книги одного из самых успешных режиссеров коррелирует с названием его же картины «Зеркало для героя»: как персонажи фильма смотрятся в зеркало времени, так и сама лента отражается в тексте — 1986 год, общественные худсоветы, и «если худсовет говорил «нет», то уже и министр ничего не мог сделать!». С одной стороны, творческая демократия, с другой — любую идею закопать можно. Хотиненко готовился буквально к бою: «Я для себя принял простое решение: ...набью им всем морды. Не «давайте выйдем», а там же, на худсовете». Обошлось.

С первых, полностью автобиографических глав режиссер не скрывает резких черт своего характера: «Самолюбие уже тогда дикое было. Чудовищное. Оглядываясь назад, я вижу, что во многом именно оно определило мою судьбу. Из-за этой, может быть, врожденной гордости и самолюбия я никогда не чувствовал себя провинциалом». Или: «Артистическая особенность натуры — стараться быть на виду...»

Вероятно, дремлющий до поры темперамент объясняется происхождением. «Мама моя — русская, донская казачка. Но, получая паспорт, я спокойно себя записал украинцем», — рассказывает режиссер. — Может быть, в этом просто была для меня дань традиционного уважения к отцу, благодарное признание его неоспоримого авторитета. А серьезных размышлений о своей «национальной идентификации» не было. Просто у меня не было сомнений в том, что настоящий украинец — это русский. И наоборот. Настоящий русский — это украинец!». Характер чувствуется и в этой декларации.

Одна из тем, которой автор занимался в Свердловском архитектурном институте, — своего рода быстрый дом. С воздушного транспорта сбрасывалась «такая касета, где-то 2,5 на 2,5 метра, а в высоту всего сантиметров 80... Вот эта коробочка устанавливается на земле, более или менее ровненько. Потом на жимается кнопка, и за счет того, что стены настукаемы, она разворачивается, и получается домик, причем с жестким потолком и жестким полом. Там и двери обнаруживаются, застегиваются. Все остальное в домик вкладывается. Газовая плита (с маленьким газовым блоком) и все вещи первой необходимости». Это прообраз современных быстровозводимых конструкций — госпиталей «Центра медицины катастроф», штабных и многофункциональных комплексов; правда, десантировать авиацией и собирать на ходу — это лишь одна из сторон открывающейся вместе со страницами книги личности автора, крепко стоящего на земной тверди.

В условном разделе «о кино», повествуя о съемках конкретных фильмов, Хотиненко удалось в

от непогоды, и все же совершенно полноценное...

Хотиненко-архитектор создавал стильные скульптурные панно, до сих пор украшающие различные общественные учреждения Екатеринбурга — в этом можно убедиться, посмотрев иллюстрации в книге. Дипломным проектом тем не менее выбрал архитектуру плавучей атомной электростанции: тоже смотрел вперед, в наши дни и чуть дальше. Советская инженерная мысль никогда не была отсталой, но взгляд Владимира Ивановича нацеливался в будущее, а не в классику, при этом он пишет о своих передовых замыслах без всякой намеки на пафос, едва ли не походя, как о чем-то совершенно естественном.

Срочную службу проходил в Свердловске. В столицу Урала приехал Никита Михалков и организовал неформальный творческий вечер. Случайная встреча предопределила творческую судьбу Хотиненко. Незнакомые люди сразу распознали потенциал друг друга. «Слушай-ка... может быть, попробовать в режиссуру? Заканчивай службу, вот тебе мой телефон, и приезжай в город-герой Москву», — предложил Михалков. «Он сказал мне, — продолжает автор, — что будет набирать на Высшие курсы свою мастерскую и туда, может быть, попробует принять меня». По совету Михалкова, Хотиненко сначала поработал на Свердловской киностудии.

Закономерно произошел переход от полного метра к телесериалам класса «А», это связано с проектом «По ту сторону волков» (2002). Режиссеры сообщили, что есть мистическая история, «а если мистическая — для меня это уже как сыр для мыши. Я сразу «в стойку». Этот фильм стал для него как прологом к более серьезным работам на

естественном тоне коснуться непосредственно проблем кинематографа 90-х. Вот «Страстной бульвар» (1999): «Наша картина хоть, казалось бы, рассказывала о локальной проблеме «бывших актеров», конечно же, невольно предъявляя счет и всему бесчеловечному, шакающему порядку ельинской России в целом. Мы снимали

фильм в 1998-м. Это был самый расцвет Ельцина, когда мы смыли практически все. России почти уже не было». О межконфессиональных связях идет речь в главе «Мусульманин» (1995). Исполнителю главной роли Евгению Миронову требовалось посещать молитвенные соборы, и имам одной из мечетей разрешил ему, православному, приходить и даже молиться.

Современные взгляды приоделись в фильме «72 метра» (2004), для которого была создана 3D-модель подводной лодки: «Для меня всегда было наслаждением такими вещами заниматься, потому что вдруг материализуется то, что не может быть снято на камеру ни при каких условиях, но очень важно для художественного замысла».

Заключительная часть «Зеркала для России» вышла философской, хотя, возможно, автор и неставил перед собой такой задачи. В кинематографе, как в любом искусстве, порой проявляется стремление человека к поиску вторых смыслов, слегка отстраненных от этого не менее важных. Это стремление свойственно и Хотиненко-режиссеру. При съемках телесериала «Бесы» (2014) ему помог Ян ван Хемессен, точнее, его картина «Vanity» (перевести возможно как «суетное тщеславие»). Автор говорит: «Я увидел огромные крылья бабочки за спиной падшего ангела. Это был невероятный подарок. Теперь абсолютно все сошлось. После чего совершенно возник кадр, когда в ставропигном полубреду, во сне, в медитации бесовской, за спиной его раздираются эти полуопознанные крылья гигантского махаона. Прямая аллегория гордыни с мистическим и даже сюрреалистическим оттенком. Даже не с оттенком. Эти крылья были страшной тенью из иного

мира, который затягивал Ставрогина все глубже в себя». Завершает книгу Хотиненко опять-таки по-режиссерски: не пространственным эпилогом с выводами, а неснятным эпизодом. Анна Достоевская (Сниткина) и Аполлинария Суслова, «инфернальная женщина», давняя любовь великого писателя, умерли в 1918 году в Крыму — об этом известно не всем литераторам. «Мне очень захотелось снять сцену-эпилог для всей картины. Теоретически эти женщины могли там встретиться. Возможно, и встретились, просто об этом нет сведений. И вот две старухи, бывшие возлюбленные Федора Михайловича, идут вместе по берегу Черного моря, по кромке прибоя, по границе двух стихий — земли и моря. Они бредут словно между жизнью и смертью, в том числе — между жизнью и смертью империи... Ох, какая могла быть эта сцена. Но эта сцена до сих пор во мне живет, не дает покоя, возвращается и мучает... Две старухи, две любви писателя, бредут в том времени, которое он предсказал, когда материализовались образы из его самых жутких предсторежений, и обсуждают все это, указывая сложенными зонтиками от солнца, как указками, на предметы экспозиции в гигантском музее Достоевского, которым вдруг становится весь мир».

«Достоевский»

телевидении. «Теперь, — пишет Хотиненко, — даже в интернете, обращаясь с каким-то вопросом ко мне, адресаты обычно начинают со слов: «Мы слышали, что Вы человек мистический, поэтому, будьте любезны, подскажите, поделитесь тайным знанием...» И все же интерес к мистике — это лишь одна из сторон открывающейся вместе со страницами книги личности автора, крепко стоящего на земной тверди.

В условном разделе «о кино»,



Белый стих

Ксения ПОЗДНЯКОВА

2 декабря в рамках V Санкт-Петербургского международного культурного форума пройдет презентация проекта «Кинопоззия», созданного актером театра МХТ им. А.П. Чехова Анатолием Белым. С артистом побеседовала корреспондент «Культуры».

культура: Как зародилась идея соединить поэзию и кино?

Белый: Подобные мысли бродили в голове давно. Я читала стихи со сцены, увлекаюсь этим. В какой-то момент поняла, что хочу как-то иначе интерпретировать поэзию, доносить ее до людей. Формат придуман не мной. Подобное существовало еще во Франции в середине прошлого века, когда под фотографии подкладывался закадровый голос. У нас тоже делали разрозненные попытки. Даже Тимур Бекмамбетов когда-то снимал рекламу банка под Манделыштама. Я же решил превратить это в жанр искусства. Я был назван это поэтическим мини-фильмом.

культура: «Кинопоззия» — проект про-

светильский. В чем Вы видите свою миссию?

Белый: Просветительский

момент для меня самый главный. Чем мы занимаемся? Стремимся популяризировать стихи, которые пока лежат мертвым пластом. Оби

лие литературных вечеров, чтений охватывает узкую прослойку нашего общества, а вот школьникам, к примеру, вся эта поэзия по барабану. Им бы только выучить стихотворение для галочки и не получить двойку. Дети вообще, как мы знаем, мало читают. Чтобы как-то заинтересовать, до них нужно достучаться в привычной и удобной им форме. Так что наши мини-фильмы (в среднем хронометраж — пять минут) — это своеобразный манок, чтобы вовлечь ребят эмоционально и повернуть к книге.

культура: Снято уже десять лент, какая самая любимая?

Белый: Сложно сказать. Мне дорога каждая картина. Во всех есть частичка меня. Всякий раз погружаешься, выкладываешься. При этом смотрим, советуемся, обсуждаем, что дальше, какая музыка. Так что тут нельзя никого выделить.

культура: Одну из новых лент снимает Валерия Гай-Германника. Если не секрет, что она выбрана?

Белый: Мы делаем поэтическую короткометражку по Марине Ивановне Цвековой. Лера сама предложила стихотворение «Попытка ревности». Придумала очень интересный сценарий. Снимаем для ежегодного благотворительного кинофестиваля «Action!».

культура: Вы сами представили три стихотворения: «Скрипка и немножко нервно» Маяковского, «Я вас любил...» Пушкина, «Вот Родина моя...» Аксакова. Кто следующий? Ваши любимые поэты?

Белый: Следующим хотелось бы видеть Пастернака. А что касается любимых, то в этом вопросе всегда теряюсь. Разумеется, есть самые близкие. Те, кто у меня в «Триптихе»: Манделыштам, Пастернак и Бродский. Это как первая любовь.

культура: Но почему тогда начали с Пушкина?

Белый: Все очень просто. Когда мы на

конец нашли продакшн, договорились о финансировании с фондом Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт», я задумалась, как нам лучше стартовать. С чего. Взглянула на календарь и поняла — впереди 6 июня. А когда праздновать рождение «Кинопоззии», как не в день рождения Пушкина. Это сам Бог велел. Именно поэтому первым стихотворением, которое я записал, стало «Я вас любил...».

культура: Ваш выбор?

Белый: Нет, идея возникла из-за персонажа Джека Николсона из «Пролетая над гнездом кукушки», когда он безуспешно пытается сдвинуть тумбу: «Ну я хотя бы попробовал». Так что надо пробовать.

ловек едет в троллейбусе ночью и словно бы гасит городские огни. Мне задумка очень понравилась, потому что она пушкинская, легкая, с юмором.

культура: Не боялись, что такое вольное прочтение не примут, ведь есть какое-то классическое представление...

Белый: Есть, но эффект неожиданности прекрасен. Могу судить по откликам зрителей. Многие говорили, что мы перевернули их представление об этом стихотворении. Именно этого мне и хочется добиваться в «Кинопоззии».

культура: У Вас не возникло желания выступить в роли режиссера на одном из фильмов?

Белый: Никогда. Я знаю, что могу что-то разобрать, но поставить — нет, у меня нет к этому дара.

культура: А современных поэтов собираетесь интегрировать в проект?

Белый: Безусловно. Сейчас у нас в работе находится произведение Федора Савровского. Прекрасный автор, замечательные стихи. Еще в разработке фильм по Борису Рыжему.

культура: Для форума подготовили что-то особенное или это будет просто демонстрация уже снятого?

Белый: Мы сделали презентацию нашего проекта в виде кино-поэтического вечера под названием «Отражения». Помимо показа мини-фильмов, выступят актеры МДТ — Театра Европы Льва Додина. Живое слово будет в том или ином ключе отражать происходящее на экране. Прекрасный педагог, режиссер МДТ Валерий Галендеев подобрал материал питерским ребятам под наши ленты.

культура: В 2015 году Вы открывали онлайн-чтения произведений Антона Павловича «Чехов жив». Только что подобный марафон прошел по Булгакову, где Вы также принимали участие. Полагаете, подобные акции нужны?

Белый: Несомненно, и чем больше их будет, тем лучше, потому что, как ни крути, из-за технического прогресса молодежь все больше удаляется от настоящих клаузей нашей культуры. Им просто не хватает времени. Они то учатся, то лайкаются. Поэтому такие акции необходимы.

культура: Но кажется ли Вам, что стихотворение «Мастер и Маргарита»?

Белый: Очевидно, что подобные мероприятия носят характер ликбеза. Но вы правы, можно было бы прочесть и, скажем, «Роковые яйца».

культура: В одном из интервью Вы сказали, что роман Булгакова законченный, завершенный, идеальный. Не надо с нимничего делать. И все же на сцене МХТ Вы играете Мастера. Как пришли к роли?

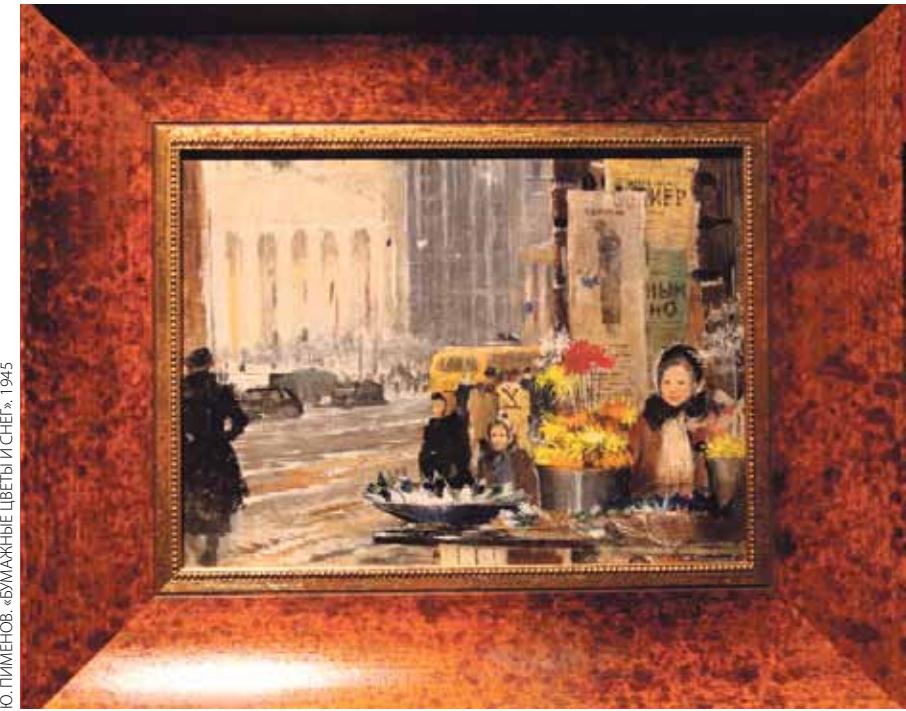
Белый: Это не я пришел, она сама откуда-то возникла. Приехал режиссер, посмотрел и предложил. Я же до сих пор оставался при своем мнении. «Мастер и Маргарита» — законченный литературный шедевр, и интерпретировать его практически невозможно.

культура: Зловещей репутации романа не боялись?

Белый: Нет. Вот если бы мне предложили сыграть Воланда, то, наверное, пошел бы в церковь. А образ Мастера — это абсолютно человеческая тема. И потом вся эта мистика булгаковская — не мистика в чистом виде, это игра, он игрок, человек театра.

культура: А как Вы относитесь к экранизациям в целом? Ведь неудачная может совсем отвратить от произведения.

Белый: Такой вопрос всегда возникает. Возник он и когда решили запустить «Кинопоззию». В этом случае для меня ключевыми являются слова персонажа Джека Николсона из «Пролетая над гнездом кукушки», когда он безуспешно пытается сдвинуть тумбу: «Ну я хотя бы попробовал». Так что надо пробовать.



Истории в картинах

Институт русского реалистического искусства отмечает пять лет с момента открытия. Частный музей, появившийся по воле мецената Алексея Ананьева, может похвастаться масштабной коллекцией национальной реалистической живописи XX века: более 6000 единиц хранения. Упор сделан на советское искусство, однако есть и представители основанного до революции Союза русских художников. Кроме того, собрание постоянно пополняется картинами современных мастеров, и многие из авторов в частных библиотеках признавались корреспонденту «Культуры», что для них сотрудничество с ИРРИ в нынешних условиях стало жизненно важным.

К празднику в музее провели реконструкцию: осуществили масштабную реэкспозицию трех этажей. Работы расположили в хронологическом порядке. Первый этаж отдали представителям группировок 1920-х: Ассоциации художников революционной России (Исаак Бродский, Александр Герасимов) и Обществу художников-станковистов (Александр Дейнека, Юрий Пименов). Здесь же можно увидеть «русских импрессионистов» Константина Коровина и Игоря Грабаря, а также «народника» Аркадия Пластова и романтичного Георгия Нисского. На втором этаже царит «суро-вый стиль»: Игорь Обросов, Виктор Попков, Таир Салахов (последний, правда, представлен нетипичными произведениями — ранним, где фирменный почерк еще не выработан, и «Портретом балерины Ирины Струевой» 2000 года). Отдельный «сектор» отведен авторам, увлеченным деревенской темой. Весной в этих залах проводили выставку Виктора Иванова, для которой придумали специальный дизайн — скрипучий деревянный пол, как в избе. Его в итоге решили оставить: картины братьев Ткачевых, Валентина Сидорова, а также Юрия Кугача («Свадьба», написанная в 2000-м, с нее началась коллекция Ананьева) смотрятся в подобном антураже органично.

Реэкспозиция включает в себя не только новую развеску, но и принципиально иное освещение, разработанное совместно со специалистами амстердамского Rijksmuseum. При этом в самих залах, на вкус корреспондента «Культуры», стало довольно сумрачно, хотя пятна света эффектно выхватывают картины, позволяя не отвлекаться на происходящее вокруг. Зато третий этаж, где разместились гиперреалисты, а также совре-

менные живописцы, — отдохновение для глаз: вероятно, стеклянная крыша не позволила погрузить помещение в полумрак.

Параллельно с основной экспозицией открылась и временная выставка «Рассказы». Ее концепция — не просто дань просветительскому вектору ИРРИ, организующему лекции, экскурсии, образовательные программы. Авторы проекта попытались придать не-повествовательному по природе изобразительному искусству нарративное измерение. А заодно сыграть на взаимосвязи вымышленного и реального миров. Этот аспект в последнее время особенно популярен. Можно вспомнить «Тайны старых картин», представленные летом в Третьяковской галерее, — историю создания и трансформаций известных полотен. Из зарубежных — открывшуюся на днях в мадридском Прадо «Мета-живопись»: об оптических иллюзиях и рефлексии художников. Спектр работ у испанцев широкий: от «Автопортрета» златокудрого Альбрехта Дюрера (1498) до знаменитой «обманки» Пера Борреля дель Касо «Бегство от критики» (1874), где мальчик, кажется, вот-вот выпрыгнет из рамы.

«Рассказы» взаимодействуют с реальностью по-иному, они предлагают публике набор интересных «кейсов», связанных с отдельными произведениями. Хотя самих «объектов», которым посвящены исследования, на выставке нет — только репродукции, дополненные другими работами, архивными фото и видео. Оригиналы висят в залах постоянной экспозиции: таким образом, новый проект оказывается изящным оммажем по-лотнам из собрания музея. В частности, можно узнать, что «Спортсменка, завязывающая ленту» (1950-е) Дейнеки, масштабный рисунок углем и сангиной, ставший самым узнаваемым произведением из коллекции ИРРИ, — всего лишь эскиз к «Купальщице» (1951), пребывавшей в музее из Третьяковской галереи: ее впервые показывают публике после длительной реставрации. До этого на шедевр можно было полюбоваться лишь однажды — на юбилейной выставке Дейнеки в 1980 году в Ленинграде.

Другой мини-блок посвящен Гелию Коржеву, точнее, его «Квартирантке» (1997). Организаторы включили в экспозицию фото: нелюдимый художник в неожиданном образе — повторяет позу девушки-натурщицы. Как поясняется, это подготовительный этап создания

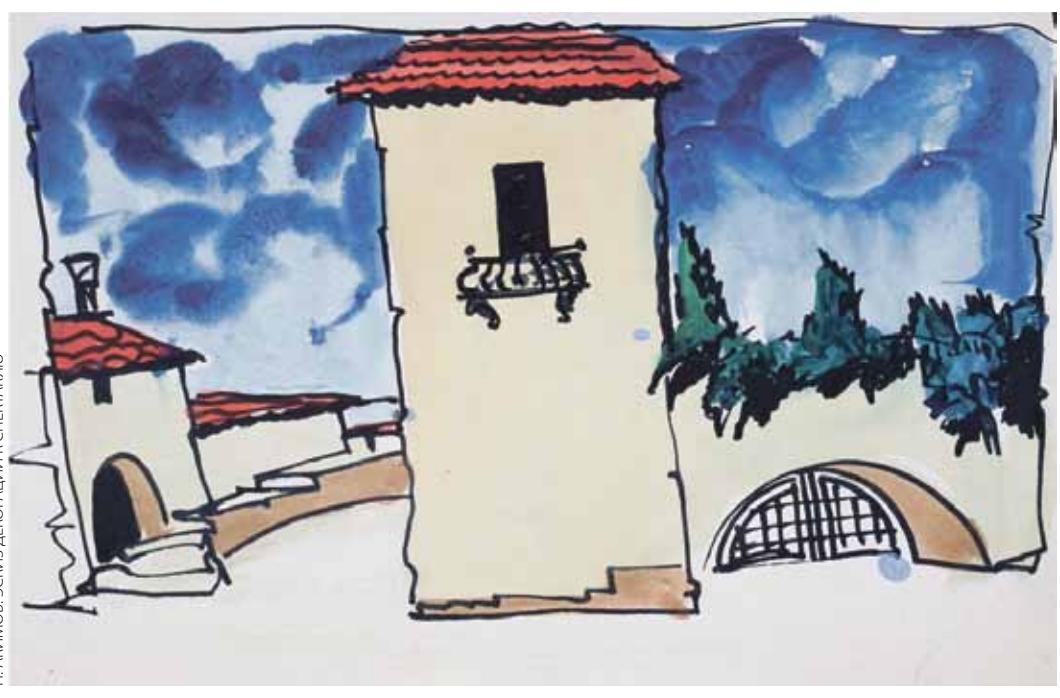
полотна. Документальные свидетельства дополняет картина «Серое утро», написанная в 2006-м. Жилище барышни эпохи нулевых (отдельное и комфортабельное), по идеи, должно контрастировать со скучным советским бытом в «Квартирантке». Однако мрачное и безнадежное настроение Коржева с годами лишь усиливалось.

В фокус внимания попала и работа Нисского «Над снегами» (1964). С ней рифмуется недавнее приобретение ИРРИ кисти того же автора «Зима. 1941 год» (1958). Посетителям предлагается поломать голову над загадкой — что за самолет изображен на первом полотне. Представлены фото авиалайнеров Ту-104 и Ил-62М: по предварительным данным, мастер воспроизвел черты обоих.

Интересная проблема связана с «Семейным портретом» Гавриила Горелова. Написанная в промежутке 1921–1924 годов, когда художник преподавал в школе для беспризорников, картина была окончательно завершена в 1956-м. Снимки в рентгеновском и инфракрасном излучении показали, что произведение, созданное с оглядкой на творения Ренессанса, не раз переделывалось. С лица автора пропала белозубая улыбка: в окончательном варианте он трагически серьезен. Жена сменила цветастое платье на однотонное, а сын расстался с завязанным на шее пышным бантом. Кроме того, исчезла четвертая фигура: кого собирался изобразить художник, еще предстоит выяснить.

У «Рассказов» интересное архитектурное решение: залы разделены перегородками, напоминающими стеллажи. Умышленно или нет, но проницаемые «полки» порой позволяют разглядеть обратную сторону холстов. И заодно прочитать надписи, имевшие технический характер, однако со временем ставшие ценными свидетельствами. Пример тому — «Веранда» Алексея Грицая, ее изнанка превратилась в отдельный экспонат. Рукой другого художника, Андрея Тутунова, здесь выведено: на картине изображен его дом в деревне Прилуки, куда Грицай приехал отдыхать с семьей.

В целом выставка напоминает гипертекст, состоящий из комментариев к комментариям — как хрестоматийный «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского. При этом у проекта есть ценное качество: он вызывает желание вернуться в залы постоянной экспозиции и еще раз взглянуть на полотна, с которых все началось.



МОСКОВСКАЯ галерея Jart подготовила проект «Штрихи к авангарду». Русское искусство начала XX века хорошо известно ценителям. Художникам той поры посвящено множество монографий, а сами живописцы уже несколько десятилетий успешно представляют Россию за рубежом. Тем не менее экспозиция показала, что в изучении этого явления еще рано ставить точку: «белых пятен» остается предостаточно.

Публике предъявили около 70 работ из частных коллекций — малоизвестных и ранее недоступных широкому зрителю. Отсюда и название выставки: скромное, казалось бы, определяющее ее статус «виньеток на полях». И все же «Штрихи» получились любопытными.

«штрихи» получились любопытными. Центральные экспонаты — три произведения Бориса Григорьева. Острый, провокационный, чуть декадентский и при этом трагичный, художник создал впечатляющий «Автопортрет с

курицей и петухом» (первая половина 20-х). Мастер изобразил себя в кумачовой косоворотке на фоне двух деревенских женщин, смотрящих на зрителя с затаенной угрозой, что отсылает к знаменитому циклу «Расея», а также монументальному полотну «Лики России» (1923). Рядом — «Портрет крестьянина» (конец 1910-х — начало 1920-х): голубоглазого, с лицом, иска- женным страданием. Третья картина уже не относится к «народной» теме, это театральный эскиз «Свадьба Пьера» (1913), написанный на картоне.

Из творений других флагманов русского авангарда следует отметить рисунок Михаила Ларионова «Сцена в баре» (1920). Для изображения бытовой ситуации художник выбрал любопытную бумагу: небольшой бланк Нью-Йоркской биржи. В этом же зале — произведение его спутницы жизни Наталии Гончаровой: картина «Испанки» из одноименного цикла фран-

цузского периода. Еще один знаменитый «бубновалетовец» Роберт Фальк представлен женским портретом, которому сам автор дал название «Балерина» (1936): хрупкая девушка в ярко-красном пиджаке и зеленой юбке поправляет бордовый берет.

Впрочем, кругом «Бубнового валета» выставка не ограничивается. Организаторы показали работы Александры Экстер — театральной художницы и дизайнера, придумавшей (как и другой наш гений, Роман Тыртов) стиль ар-деко, получивший куда большее распространение на Западе, чем в советской России. В экспозицию, впрочем, включены не эскизы костюмов, а вещи, выполненные в ином, менее очевидном для Экстер жанре, — городские пейзажи. В соседнем зале — ее современница, выдающаяся Зинаида Серебрякова, формально не имеющая отношения к авангарду. Вниманию публики предлагается созданный в стремительной эскизной манере «Портрет мальчика» (1910).

Один из «столпов» русского искусства — Кузьма Петров-Водкин — представлен этюдом к картине «Сон» (1910). Само полотно в свое время вызвало скандал: картину с изображением обнаженных женщин, разглядывающих спящего нагого юношу, сочли чересчур эротичной. В защиту автора выступил тонкий эстет и критик Александр Бенуа, а вот Илья Репин ока-

злся в рядах возмущенных. Наконец, ценители советского искусства по-радуются присутствию на выставке работы Александра Дейнеки «Купание» (1932–1935). Композиционно напоминающая написанную в те же годы картину «Мальчики, выбегающие из воды» (1930–1935), она, однако, отчетливо указывает на связь художника с немецким экспрессионизмом. Зато «француз» Бенуа, изображающий заграничные реалии, отчего-то выглядят почти родным и удивительно ностальгическим. И в этих парадоксах кроется часть обаяния русского искусства первой трети XX века.



Звание — сила?

Андрей САМОХИН

ИЗБРАНИЕ в члены Российской академии наук 14 высокопоставленных госслужащих из 25, представленных на высшие научные звания экспертыми советами, вызвало жесткую оценку Владимира Путина. «Зачем вы это сделали?» и «что мне теперь делать с этим?» — обратился глава государства к руководителю РАН Владимиру Фортову на заседании президентского Совета по науке и образованию. И тут же сам сделал немедленный оргвывод: «предоставить им возможность заниматься наукой».

На нынешних беспрецедентно масштабных выборах (слияние трех академий, двухлетняя задержка) чиновников было меньше, нежели в предыдущий раз. В чем же причина столь сурой реакции? Путин напомнил: в 2015-м он в письменной форме настоятельно не рекомендовал работникам госаппарата баллотироваться в Академию, поскольку совмещать серьезную научную работу и государственную службу с полной самоотдачей невозможно. Однако некоторые функционеры рекомендацию не расслышали.

Имена уволенных стали известны 28 ноября: начальник управления регистрации и архивных фондов ФСБ Василий Христофоров, замминистра внутренних дел — начальник следственного департамента МВД Александр Савенков, заместитель управляющим президентом Константин Котенко и начальник главного военно-медицинского управления Минобороны Александр Фисун. Первый освобожден по достижении предельного возраста на военной службе, остальные — по собственному желанию. Позже с той же формулировкой председателем правительства был смешан замминистра образования и науки Алексей Лопатин.

Пока не очень понятно, что будет с остальными фигурантами «дела академиков». Все они так или иначе пренебрегли распоряжением Путина, соглашившись баллотироваться в РАН.

Нельзя сказать, что никто из них не имеет отношения к науке. У большинства есть докторские степени, что сегодня, конечно, еще не говорит о реальных достижениях на этой ниве. Тем не менее, далеко не каждый честный доктор достоин по научному уровню академического звания.

В этом контексте стоит рассматривать вопросительные реплики Владимира Путина, обращенные через Владимира Фортова к верхушке РАН. Трудно предположить, что глава государства не знает, как (по уставу и по жизни) проходят выборы в Академии. Столк же риторичен и его вопрос о «группности» новоявленных ученых мужей. Несмотря на пресловутые шестиступенчатые и исключительно независимые тайные голосования, все новые и новые властные виты облачиваются в академические тоги. Какие уж там «белые одеяния»! Злые языки говорят о банаальной коррупции на выборах, другие — о том, что академическим институ-

там без личного покровительства власть имущих просто не выжить.

И Путин, и Фортов отлично понимают, что протаскивание чиновников в академии и членкоры (даже если они и вышли когда-то из научной среды) не делает российскую науку сильнее, а страну богаче. И дело даже не в тех 100 и 50 тысячах рублей, ныне ежемесячно и пожизненно выплачиваемых за академические звания.

Дело в том, что существует предельная численность высшего эшелона РАН.

На прошлом общем собрании после объединения трех академий ее установили в 2154 человека. Расширяться некуда — «бессмертных» сегодня и так почти втрое больше, чем было в СССР в 70-х, при этом пропорциональных успехов на-

гических прессингом, борьбой научных школ, отчасти — честолюбий, а вовсе не с освобождением места для нужного «его сиятельства».

Неправы те, кто указывает, что в состав академии всегда, мол, включали сановников для пользы дела. Президентом Санкт-Петербургской академии наук в конце XIX века и впрямь был поэт и великий князь Константин Константинович. Однако же другие члены дома Романовых, равно как и прочие аристократы, писатели, властители дум, не будучи выдающимися учеными, избирались не в действительные, а в почетные академики. А разница между первыми и вторыми, по остроумному замечанию физика Ореста Хольбома, как между государством и милоштвым государем. Кстати, последними почетными академиками в СССР стали Крупская, Сталин и Молотов.

Зачем, на Ваш взгляд, высокопоставленные госслужащие рвутся в академики?

Результаты голосования на сайте газеты «Культура»

Обычное тщеславие. С советских времен академическое звание не утратило особой престижности и элитарности	38%
Запасной аэродром. Каждый чиновник боится увольнения в связи с утратой доверия. РАН сводит риски на нет. Членство пожизненное, очень приличный оклад	43%
Они действительно крупные исследователи, волей слепого случая оказавшиеся не на своем месте. Понять, простить	2%
Никто не рвется — будущие коллеги сами подначивают. Вилы в РАН нужны выдвинувшим их научным коллективам для решения всяких интересных вопросов	17%

уки что-то незаметно. Заняв место в академическом ареопаге, лиловое «светлое» отнимает его у настоящего ученого, достигшего весомых результатов в своей области. И не только отнимает, но и добывает престиж «большой академии» как одного из важных интеллектуальных и нравственных столпов государства. За примерами далеко ходить не надо: в академии не прошли, «ступив» кому-то, видимо, более «крупному», лауреат высшей математической премии Фидлса Станислав Смирнов и победитель программы мегагрантов, входящий в список самых влиятельных ученых мира, химик Александр Кабанов.

При этом обычно вспоминают, что еще в царское время тогдашние академики «прокатили» на выборах самого Дмитрия Менделеева. Так же как и выдающегося физиолога Ивана Сеченова. А в советский период званием позорно обнесли великого философа и филолога Алексея Лосева, биофизика-провидца Александра Чижевского. Но эти и подобные им случаи были связаны с идеоло-

гии. Может быть, стоит вернуться к этой безобидной практике, награждая условно-академическими погонами вместо реально-боевых всех, «кого надо»? Тогда и не придется Владимиру Фортову пожимать плечами на вопрос о трудоустройстве новых академиков, выгнанных с госслужбы. Немного менее, на-верное, озадачивало бы тогда соотечественников и избрание наследника Ломоносова таких деятелей, как бывший глава госдепа США, великий магистр членочной дипломатии Генри Киссинджер.

России необходима мощная технологическая база, которая обеспечила бы опережающий рост экономики, заявил Владимир Путин на том же заседании президентского Совета. Сегодня уже ясно, что реализация этих тезисов требует разделения науки, санации, выправления уродливо сросшихся «пальцев» на правой руке государства: чиновничества, науки, да еще бизнеса. В нынешнем виде они все больше функционируют лишь в хватательном режиме.



Автор — обозреватель «Культуры»

Полк с Уолт-стрит

Михаил БУДАРАГИН

5ДЕКАБРЯ 1901 года в Чикаго родился Уолтер Элайас Дисней, судьба которого будто специально сложила словосочетание «американская мечта». В 14 лет юноша разносит газеты, ничуть не представляя, что именно ему судено стать основателем империи планетарного масштаба. Наступает Первая мировая, и Уолт садится за руль санитарной машины Международного Красного Креста. В 1920-м устраивается художником в рекламную киностудию: уже через несколько лет в свет выходит «Пароходик Уилли», звуковой мультилипкационный фильм, снятый по мотивам ленты знаменитого Бастера Китона, и карьера Диснея вперед не будет знать падений. Он шел от триумфа к триумфу, от премии к премии, от известности к мировой славе, делая каждую новую картину чуть иной, задавая моду и тон, диктуя стиль и образ мысли.

За воплощение мечты придется долго заплатить: великий аниматор и мегаджер, создатель студии с многомилиардовыми оборотами, основатель почти сразу ставшего легендарным «Диснейленда» был, кроме всего прочего, сыном своего века, не стеснялся доносить на коллег по Голливуду за симпатии к «красным», сотрудничал с ФБР, не делая из этого особенной тайны. Биография, достойная не подражания, но внимательного изучения: если уж решил быть не первым среди равных, а самым-самым, то внутри капиталистической системы от тебя все равно потребуют присягнуть на верность господствующей идеологии. Щелкни каблуками и работай дальше, но попробуешь стать не слишком лояльным, положат на полку: сколько фильмов современников крупнейшего мультиплитатора в тех же США так и не дошли до

рекорда, узнав, что его Золушки и Белоснежки, Спящие красавицы и никогда не выросший Питер Пэн стали правоверными «атташами», которые то и дело «расправляют плечи», прямо как в одноимен-

ной книге Айн Рэнд: собери свой капитализм из подручных материалов и будь счастлив.

Никакого «заговора». Те, кто пишет сценарии к «Моане» и ролики о том, где именно в нашем организме живет любовь, росли на мультифильмах, дающих одну и ту же установку: нет ничего важнее твоих эмоций, но какими они будут — решать тебе.

Мир Диснея в 50-х, и сегодня выглядит как сумма типических ходов и антиходов: играть можно бесконечно. Всегда так романтично теряющая свою туфельку Золушка словно бы нарочно вытащена мультипликатором из старого французского шкафа, чтобы нынешние феминистки возмутились «принижением женщин» и написали грозную петицию, а современные художники бросились вручать герояне морской гарпун. Мол, девочка-девочка, а может и приложиться, если что.

В пространстве, где боятся за будущее большеглазые трогательные дети, нет места национальному, нет ни почвы, ни личной судьбы, ни опыта переживания сложных проблем, выходящих за пределы физиологии (вспомним, как филигранно сделан в этом смысле «Ежик в тумане», как тонко и мудро переплетены в нем мотивы одиночества и дружбы). Все должно быть просто, линейно и победительно, как будто каждый зритель — вечный Микки-Маус, о характере которого нельзя сказать вообще ничего определенного.

Мир Диснея умер в 1966-м, но целый полк его персонажей живет и пополняется. Новые невыросшие дети скоро придут писать сценарии и рисовать героев, так похожих на грезы Диснея о человечестве, не решившемся позролеть.



Автор — публицист

Право на православие

Петр АКОПОВ

ИЗВЕСТИЕ о том, что в школе может появиться предмет «Православная культура», вызвало возмущение «прогрессивной» общественности. Вновь заговорили, что «РПЦ захватывает школу», что детей будут насилием воспитывать в православном духе, как раньше в марксистском. Нечто подобное уже было несколько лет назад, когда в образовательную систему ввели курс «Основы религиозных культур и светской этики». Но тогда речь шла всего об одном школьном курсе (4-й класс) и возможности выбора учебника, не касающегося религии, а рассказывающего про мораль и этику. А теперь — с 1-го по 11-й класс, и не отвертишься от «поповщины».

Страшно даже представить, какой шум поднялся бы в некоторых СМИ, тем более учитывая неизвестное назначение главой Минобрнауки волкеровленной Ольги Васильевой, но вскоре обличенный не успел еще набрать высоту, как пошли уточнения-опровержения. Дескать, и сам курс пока не готов, и Академия образования раньше временем разослала экспертов анкету, и вообще это будет не обязательный предмет, а факультативный — возможно, лишь в 5-9-х классах.

Действительно, предмет под названием «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКР) еще в прошлом году профильное министерство включило в школьный курс, но

пока нет ни окончательных учебников, ни программ. Есть эксперимент с преподаванием в некоторых учреждениях, а также подготовка методик и самой программы этого предмета с невозможной библиографией. Найдет ли он в итоге свое место в школе? Несомненно. Конечно, нет.

Ведь абсурдна сама ситуация, когда русские люди в собственном государстве должны извияться тоном обьяснять, почему они хотят знакомить детей с нашей тысячелетней религии. Кому и что объяснять? Мусульманам? Нет — для них есть возможность в ряде субъектов Федерации изучать основы исламской культуры. Не говоря уже о том, что в Чечне или Татарстане изучение ислама вслеки поощряется республиканскими властями. Атеистам? Но новый курс не призван никого обращать в православную веру — он вообще о культуре, то есть о том производимом, что было создано на основе веры. То, что русская культура православная, — аксиома, не требующая доказательств. Кто-то станет возражать — но так некоторые и в русской истории видят один мрак, сирда, и преступления. И что, согласимся с ними, позволим им учить детей такой истории России?

Самое главное — абсолютное большинство соотечественников не против того, чтобы в школе знакомили с религией предков.

Потому что Россия — православная страна и больше двух третей наших граждан открыто при всех опросах называют себя православными. Да, они могут быть не воцерковлены, не знать и двух цитат из Евангелия и слабо представ-



Автор — публицист

Замерзающие души

Станислав СМАГИН

ВОПИЮЩИЙ случай произошел в Екатеринбурге: потерявшая прозеяндом билет девятилетнюю девочку выгнали из автобуса на тридцатиградусный мороз, и ей пришлось несколько остановок идти домой пешком. Всю ночь ходила не только наша страна. Инцидент стал достоянием СМИ, попал даже на страницы британской The Times. Последовала реакция кабы не с перехлестом: было заведено уголовное дело по статье «...оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей», мэр Екатеринбурга заявил, что ему стыдно за бездушного кондуктора и не заступившихся за ребенка пассажиров, жестко отреагировала детский омбудсмен Анна Кузнецова. Дошло до того, что мама девочки, устав от шумихи, отказалась от всех претензий и попросила не наказывать провинившегося контролера. Ура, Ура? Ну, не знаю...

Схожие истории в последние годы происходят регулярно, причем именно в холоде. Совсем на днях — в Челябинске и Новосибирске. А можно вспомнить, как в марте 2013 года в Москве из маршрутного такси высадили еще одну девятилетнюю девочку, тогда тоже было много разного рода реакций. На самом деле это не про детей, контролеров и пассажиров. Проблема глубже.

Конечно, есть и разительно противоположные примеры. Когда после телевизионного сюжета о тяжелобольном ребенке ему собирают необходимые для лечения сотни тысяч рублей, а порой и больше, так что хватает на помощь и другим малышам, — разве это не вызывает радость и восторг? Но собранный за считанные часы миллион не отменяет выгнанную из транспорта за отсутствие 26-рублевого билета школьницу, скорее, создает неприятный контраст.

Неплохо бы понимать, что мелкие по сути, но крайне показательные инциденты, подобные екатеринбургскому, могут стать для иного человека последним штрихом в картине безнадеж-

куртки. Может быть, механической затверженной этики здесь было больше, нежели искреннего душевного порыва. Может быть, норвежцы, особенно сильно затюканые ювенальной юстицией, уже не только со своих детей сдывают пыльники, но и боятся обвинения в недостаточном внимании к чужим. Может быть, зна, как сейчас распространены скрытые съемки смоделированных ситуаций на самые разные темы, иные догадались о сути происходящего. Но какая, в общем-то, разница? Сравнение все равно не в нашу пользу. Охотно соглашусь, что, вполне вероятно, многих, равнодушно прошедших мимо, в норвежский ролик сознательно не включили (в воспитательных целях), что у нас, напротив, контролеры, которые девочку не выгнали бы, в разы больше, чем злых педантов, — только о первых не пишут. Но ведь наша задача не просто соорудить отписку для внешних и внутренних критиков, а задуматься: по-прежнему ли мы являемся мировым центром духовности и подвижничества, не превращаемся ли в секуляризированный притон?

Есть в журналистике такой очечный прием: «расскажи это своей маме». Своебразная внутренняя нравственная установка: писать о том или ином событии или нет. И если писать — то как? А так, чтобы ты мог рассказать об этом маме. Чтобы и ей интересно было и понятно, и тебе не совестно. Тонкий прием, между прочим. Цензоры, начальники, окружение, скрытые камеры и даже угроза негативных роликов на YouTube — многим это, как говорится, глубоко фиолетово. А вот мама — другое дело. Так вот, люди: когда вы на грани того, чтобы проявить черствость или равнодушие, когда вот-вот может совершил злой или несправедливый поступок, пусть даже оправданный каким-то параграфом, либо таковой совершают на ваших глазах, — ведите себя так, как если бы сейчас за вами наблюдала ваша мама. Чтобы ей не было стыдно за вас.



Елена ФЕДОРЕНКО

В Санкт-Петербурге завершился фестиваль «Дягилев Р.С.». Смотр проходит ежегодно с 2009-го, когда весь мир отмечал вековой юбилей «Русских сезонов».

Программа нынешнего, VII фестиваля отличалась неукротимым размахом и тонким художественным чутью, словно ее составил сам Сергей Павлович. С его именем, идеями, делами, мечтами связан фестиваль. Он имеет статус международного — великий импресарио показал человечеству русское искусство без ограничения видов и жанров. Европа тогда ахнула: оказывается, в таинственной стране снегов и медведей художественная мысль бьет ключом. Музыкально-художественная дягилевская неуспокоенность подхватила команду организаторов по главе с Натальей Метелицкой, директором Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства, и сумела объять необыкновенное: гастроли танцевальных трупп и симфонический концерт, круглые столы и научные конференции, выставки, кинофильмы и презентацию новой книги.

Особый сюжет — Дягилев и Петербург, его вдохновлявший. Город первых творческих проб и самостоятельных исканий вечного скиталящего, говорившего, что жизнь прошла в гостиничных стенах. Северную Пальмиру с характером строгим и немного консервативным Дягилев любил, и ему наверняка бы пришелся по душу выбор площадок: каждая — со своей историей. БДТ и Александрина, Большой зал филармонии, Шереметевский дворец и даже бывший кабинет директора Императорских театров, откуда князь Сергей Волконский и выгнал своего дерзкого помощника. Тем самым подтолкнув Дягилева на новый путь.

Роман с Бежаром

Открылся фестиваль гастролями труппы Мориса Бежара. Уже девятый год — столько театр живет без своего основателя — его руководит любимый танцовщик мастера Жиль Роман. Бежар сам назначил его преемнику. «Я не хотел бы, чтобы меня называли директором музея, хотя главное — достойное сохранение наследия великого хореографа», — рассказывает Жиль. — Но без новых спектаклей театр обречен, потому мы готовим премьеры. В нашем репертуаре: 80 процентов — Бежар, 20 процентов — мои сочинения».

Спектакль «Anima Blues» в постановке худрука показали первым. Мудреная хореография навеяна гипотезой автора учения о коллективном бессознательном Карла Густава Юнга. О том, что в каждом мужчине сидит «женская часть его души». Воплощение этой женственности — Девушка (Катерин Шалакина), пластикой, челкой и точеным профилем напоминающая Одри Хепбёрн. Под мелодии блюза танцуют мужчины и женщины, завязываются легкие знакомства, выясняются отношения, Юноша (Конор Барлоу) манипулирует, молодые люди провоци-



«Чудесный мандарин»

Движения времени



«Тристан и Изольда»

рут потасовки — такая зарисовка вечерней жизни города.

Три балета Бежара представили разные грани хореографии философа. Нежнейшая лирика, словно навеянная Михаилом Фокиным, — «Этюд для дамы с камелиями» на музыку Шопена и Чайке. Очаровательная Элизабет Рос, которую высоко ценил Бежар, проникновенно передает хрупкость жизни и грустный миг расставания с ней. Трагедия умирающей покинутой Маргариты Готье сменяется восточным ритуалом на индийскую народную музыку. «Бхакти II» напоминает символы и знаки ориентальной письменности. Увлеченный древними преданиями Индии, Бежар выстраивает танец-соревнование, мистический диалог бога Шивы и его жены Шакти, где килил и рвутся наружу сдерживаемые страсти. Отточенные скульптурные позы, две яростные силы — мужская статика и женская подвижность, испепеляющий внутренний огонь. Не хватало магической «химии» и эротического накала: отношениям героев, Светлана Сипатова и Фабрис Галлард сошлись на передаче отлитой в формуны нестареющей пластики.

«Чудесный мандарин» показывает Бежара непредсказуемым интеллектуалом и пророком потасовки — такая зарисовка вечерней жизни города.

Разврат Европы послевоенных лет (раскаты сражений звучат в музыке Белы Бартока) жестокие нравы, преступная вседозволенность (хореограф обращается к цитатам из фильмов Фрица Ланга). Банда бродяг обирает прохожих, используя в качестве приманки проститутку, завлекающую клиентов. Роман считает этот спектакль одним из лучших созданий учителя, которого интересовал тема амбивалентности полов. Наглую соблазнительницу играет юноша, и Лоуренс Ригг с отвязными манерами, в блестящем черном купальнике и туфлях на каблуках танцует отлично, балансируя на грани гротеска и комизма, мы пока молоды, свежи и безгрешны, хотим писать свою историю с чистого белого листа. Счастлива, что можем показать наш театр именно в России. Моя основная принципы — обращение к образам мировой литературы и современной. Потому что танец должен возвышать и вдохновлять на добрые дела».

Она паршило иное: живучесть порока и узнаваемость криминала. Попавший в лапы бандитов китайский мандарин бесмертен, как и асская сила войны. Персонаж Масаёси Онуки напоминает разрушительный мханизм джаск амандрина и кажется безобидным подростком. Главный сутенер (Жиль-ен Фавро) цепенеет, увидев, как Мандарин вновь и вновь ожи-

вает. И уже не верится, что он погибнет. Жуть, охваченного кровавой борьбой и разватом мира — предостережение композитора и хореографа. Послания потомкам.

Спектакли Бежара стали бесценным подарком гостям фестиваля. Пиетет к творениям испытывает каждый артист.

Труппа танцует с тем реактим азартом, который позволяет не замечать каллиграфических ошибок.

В белом танце

В приглашении «Белого театра танца» из Польши таился определенный риск. Имя его руководителя Изаборы Вайс: ровным счетом ни о чем не говорит российскому зрителю. Но Дягилев любил открывать новое, и эту авантуристическую традицию подхватил фестиваль. Труппа работает в Кракове — в музыкальном центре Кшиштофа Пендерецкого, и живой классик, увлеченный творчеством Вайс, сопровождал коллектива на петербургских гастролях. Композитор приютил артистов, когда они оказались бездомными. Дела в том, что восемь лет возглавляемый Изаборой «Балтийский театр танца» (БТТ) была частью Гданьского театра, но тот недавно взял курс на исключительно классические разы и освободился от своей сопротивы-группы. «Белый театр» собрал заново, из прежнего состава осталось лишь несколько артистов. Хореограф не унывает, похоже, ее оптимизм способен преодолеть все преграды: «Пришлое начинать с нуля, даже придумать иное название. Почему — «Белый»? Тому несколько причин. Хотелось сохранить в польском языковом эквиваленте аббревиатуру БТТ. К тому же «вайс» в переводе с немецкого — «белый». Наша интернациональной компании всего несколько месяцев, мы пока молоды, свежи и безгрешны, хотим писать свою историю с чистого белого листа. Счастлива, что можем показать наш театр именно в России. Моя основная принципы — обращение к образам мировой литературы и современной. Потому что танец должен возвышать и вдохновлять на добрые дела».

В отличие от Бежаровских по-

лотен, спектакли «Белого театра танца» похожи друг на друга. И не тем, что эксплуатируют одни и те же авангардные. Каждый —

путешествие в пронизительную историю трагической любви, по-

данную сентиментально, терп-

ко, с душепитательной страстью.

ностию. Ни секунды покоя: яростные вскрики тел, их нервные перекаты по сцене, вспышки поддержек и резкие падения. И единственный финал — почти сакральная тихая гибель героев как символ жертвенной любви. Будь то «Федра» на музыку Малера или «Девушка и смерть» под мелодии Шуберта.

Однако огненный темперамент, чрезмерная фантазия и агрессивный настрой хореографа не спасли спектакль «Тристан и Изольда» — понять запутанную фабулу при отсутствии либретто оказалось практически невозможно. Запомнился этот затянутый опус несколькими патетическими дуэтами, все той же картинкой смерти и музыкальностью хореографии — партитура составлена из произведений Кшиштофа Пендерецкого и пьесы Джона Гринвуда.

«Под занавес» показали весеннюю премьеру Вячеслава Самодурова — балет «Ромео и Джульетта», поставленный в Екатеринбургской опере. Спектакль высоко оценила критика, и фестиваль принял быстрое решение показать оригинальное прочтение великого произведения своим зрителям.

«Удиви меня!»

Таким был главный принцип деятельности Сергея Павловича. Этими же словами назван традиционный приз, который вручается выдающимся художникам. На сей раз статуэтку «Удиви меня!» получили композитор Кшиштоф Пендерецкий и хореограф Борис Эйфман.

В Шереметевском дворце с первых фестивальных дней работала выставка американки Луис Гринфилд «Застывшее движение». Автор заинтригован танцующими артистами, но не театральными ролями, а импровизациями, на которые прοвоцируют их в своей студии сама фотохудожница. Модели — из Цирка до Солей и труппы Мартины Грайм. Луис интересно оставляет время — так, чтобы для секунды, запечатленная камерой, передавала настроение человека и характер движения, намекая на его начало и проектируя продолжение. «Самое скучное — постановочная съемка. Если я знаю, какая получится фотография, то мне она уже не нужна».

На втором этаже Дворца разместилась экспозиция «Обличья. Больше, чем реальность». Огромный межмузейный проект проследивает художественный путь маски и костюма от их обрядового прошлого до атрибутов, помогающих познать самого себя, и способов ухода от реальности.

Представил фестиваль и свой издательский дебют, выпустив в свет книгу Сергея Григорьева «Оригинальный русский балет, 1932–1952». Ее главный герой — антрепренер Василий Воскременский, известный под псевдонимом полковника де Базиль. Он сохранил часть наследия дягилевской труппы после смерти ее руководителя. Рукопись Григорьева, единомышленника Дягилева, хранилась в Библиотеке конгресса США, вынырнула из небытия именно сейчас, почти откровенно. Обыкновенные люди Чехова, заключенные в «стеклянную скорупу одиночества», и герой Бунина, охваченные эмигрантской тоской. Их отдельные голоса складываются в многоголосую панораму жизни, обрастают мирами и заражают любопытством.

Накануне премьеры корреспондент «Культуры» пообщался с исполнителями — выпускниками и слушателями высшей школы актерского мастерства.

«Метаморфозы» продолжаются



Алексей КОЛЕНСКИЙ

30 ноября по многочисленным просьбам зрителей Академия кинематографического и театрального искусства Никиты Михалкова возобновила открытые репетиции спектакля «Метаморфозы» по мотивам рассказов Антона Чехова и Ивана Бунина. Показы дипломной постановки, прошедшие полгода назад в Театре Киноактера, посетили приглашенные гости, а в эту среду «Метаморфозы» шагнули на подмостки Российского академического молодежного театра, чтобы завоевать внимание широкой публики.

Полный аншлаг, восторженные улыбки и долгие аплодисменты сопровождали спектакль первых выпускников Академии. В него вошли девять миниатюр (эпиграф к каждой — импровизация Никиты Сергеевича об актерском мастерстве и великой литературе) по классической прозе, в которой прорастает вся философия Русского мира. Действие, заразительное и стремительное, замешено на стыке театра и кино. Молодые артисты играют с удовольствием и обворожительным шармом, элегантно, открыто, сочно. Объемные 3D-декорации, чарующие живописные — церкви, сельские просторы, кабинет чиновника, — погружают в атмосферу давних времен. Единое движение точного актерского посыла, сценографии, света, пластики, музыки. Жанровая партитура многоизначна: ярмарочный барабан и полутона психологического театра, яркий фарс и откровенное кабаре, танцевальные кружева и шепот бытовых зарисовок. И в каждой миниатюре — погружение во внутренний мир человека, который неизменно обясняет, нужно — прочувствовать. Никита Сергеевич вкладывает знания прямо в душу. Репетиции с ним (порой до двух ночи) заряжали юношеским вдохновением ежеминутной готовности к жизни на сцене — к тому, что в любой миг можешь выложиться на двести процентов.

Екатерина МИРОШИНА:

— Год назад и мечтать не могла, что окажусь с Михалковым на одних подмостках. И вот — ставят задачи, хвалят, направляют, требует настоящей работы. Репетиции проходят весело, это важно — в конце концов, что бы мы ни ставили, даже глубочайшую трагедию, внутри должно жить ощущение игры. С Никитой Сергеевичем по-настоящему приятно — он помогает достичь легкости в трудных драматических местах, эти уроки откладывались в душе и помогают на репетициях других постановок.

Милена ЯКШИЧ:

— Я прожила в Академии невероятный год, вернулась в родной сербский театр и почувствовала, как изменилась моя жизнь — учеба у Михалкова подготовила новое зрение, поддержку и свободу. Появилась отвага — готовность говорить «нет» и внутреннее право браться лишь за работу, приносящую творческое удовольствие. Сейчас получаю несказанную радость от репетиций «Метаморфоз». Пара-доксально, опыт игры на чужом языке дал ощущение источника нужных слов. Этот спектакль — часть моего сердца.

Георгий КУЗУБОВ:

— Опыт «Метаморфоз» стал невероятным подарком, возможность сотрудничества с потрясающими режиссерами — Яцко, Коручековым, Газаровым, Землянским. Но больше всех мне дал Михалков — это не описать словами. При этом с Академией я не рассталась — вошел в пластическую постановку Сергея Землянского по «Воскресению» Толстого, премьера уже в Яхроме. Из такой команды не хочется уходить, надеюсь и верю, что пробует час — мы станем единственным театром.

Игорь СЕРГЕЕВ:

— У Никиты Сергеевича феноменальное чутье — каким-то невероятным образом в нем уживаются актер, режиссер, педагог. Удивляет, как быстро он «читывает» новых людей. За несколько минут беседы умеет понять человека, назвать слабые и сильные стороны, расшифровать личную организацию и определить ее границы. Всех помнит, всех любит, не допускает никаких общих мест и формальностей — ни на сцене, ни в общении с нами.

На «Ладью» — в сказку

В канун новогодних праздников — с 14 по 18 декабря — в «Экспоцентре» пройдет традиционная выставка-ярмарка «Ладья. Зимняя сказка».

С ВОИ лучшие изделия представляют всемирно известные центры народного искусства из 65 регионов России: холмская и городецкая роспись по дереву, жгутовый сукон и кисловодский фарфор, великоустюжское чернение серебра, ростовская филинфия, вологодское и елецкое кружево, бородянская резьба по дереву, кубачинские изделия из серебра, холмогорская и тобольская резная кость, жостовская и нижнетагильская роспись по металлу, скопинская и псковская керамика, торжокское золотное шитье, оружие златоустовских и московских мастеров, павловские столовые приборы, художественное краеведение, вышивка, янтарь Балтики.

Выставка проводится при поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

В третий раз в рамках выставки «Ладья» состоится Всероссийский конкурс народных умельцев «Русь мастеровая». Его участники в режиме реального времени будут создавать произведения по 12 номинациям, соответствующие заданной теме, а посетители смогут наблюдать за их работой.

Еще одной интересной площадкой станет презентационная экспозиция образовательного проекта «Азбука на-

родной культуры», подготовленного Ассоциацией «Народные художественные промыслы России» для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Пройдут более 20 открытых уроков, на которых ребята получат как теоретические знания о промыслах, так и практиче-

ские навыки по лепке из глины, вышивке, росписи по дереву. Открытые уроки позволят педагогам познакомиться с методикой преподавания по данному проекту, узнать его финансовые и организационные детали.

В централь



Софья-пересмешница

Егор ХОЛМОГОРОВ

На канале «Россия-1» завершился премьерный показ сериала «София». Увы, но это тот самый случай, когда достаточно было посмотреть несколько эпизодов, чтобы составить окончательное мнение.

К величественному князю псковскому Ивану Васильевичу (а то, что он именно псковский, приходится умозаключить, поскольку в качестве его резиденции показывается открыточный вид Кромы на берегу реки Великой) везут греческую невесту Зою из далекой Италии с тем, чтобы нехитрой уловкой обогнать государя в греко-католичестве. Народ русский бунтует, невесту пускать не хочет, митрополит отказывается князя венчать, и, чтобы разобрать гордиев узел сомнений, Иван Васильевич велит девушку наново крестить (странные кощунства по церковным канонам) с именем София. Новобрачная первый раз случайно травит ядом княжего брата Юрия и приобретает репутацию ведьмы.

Это не сценарий голливудского блокбастера в жанре klyukva. А новейший сериала, посвященный родному прошлому, вышедший на госканале и призванный поведать нашему массовому зрителю историю Ивана III Великого, строителя русского государства, объединителя земель и скрупулезного ордынцев.

Авторы явно замышляли наш ответ «Бороды» и «Медичи». Замахнулись даже на «Игру престолов» — во всяком случае иначе трудно объяснить, почему брат чужестранки Андрей ведет себя точно как принц Визерис, а Софья, положив руку мужа на свой округлившись живот, требует, чтобы тот пообещал будущему отпрыску железный трон Вестеро... простирайте — трон византийских василеусов. Но, к сожалению, получилось нечто среднее между сериалям про отечественных бандитов и снятыми в стиле «Майя Аринаутской» картинами из краиной итальянской жизни.

Существует, на мой взгляд, два способа делать историческое кино. Можемо с педантичной точностью и детальностью изобразить подлинные факты, немного их заточив ради сюжетной динамики. А можно снять шумную и красивую «анжелику», состоящую из одних исторических ошибок. Из современного во второй разряд хорошо подходит «Великолепный век». Однако в этом случае сверхзадачей становится сказка, романтизирующая прошлое. У обоих решений есть плюсы и минусы, но создатели «Софии» пошли другим путем. Историческая недостоверность зашаклила, век же Ивана III получился не великолепным, а каким-то держким.

Русские савонники и архиереи — грубы, ахивы, раболепны и говорят языком пролетарского барака. У них примитивные чувства и мысли. Сцена, когда думные бояре высмеивают итальянский портрет Софии, настолько нелепа, что за сценариста и режиссера становится стыдно. «Патриотический» сериал воспроизвадит популярный среди так называемого креативного класса обычай изображения русских орками.

Эльфы-иностранцы, напротив, изящны, образованы, тонко чувствуют и беседуют о мадоннах Боттичелли, чья слава наступила сильно после описываемых событий. С навязываемой мыслью «прекрасная София принесла в отсталую варварскую Россию красоту и искусство» согласятся все дежурные русофобы.

Русские в сериале, конечно, верны православной вере, но вера эта у кинематографистов уж больно смахивает на суеверие — туповатые «московиты» (слово «Московия», постоянно употребляемое в ленте, вошло в обиход лет через 20 после смерти Ивана III) с страшной подозрительностью относятся к молодой греко-итальянке и вообще ко всему новому, культурному и прогрессивному, так что зрителю подсознательно умозаключает, что православие есть тормоз просвещения и прогресса.

На самом деле никакими массовыми протестами византийскую принцессу на Руси не встречали и тем бо-

лее не перекрещивали. В этом и не было необходимости — едва пересекли границу, София (это от рождения было вторым именем царевны) немедленно стала подчеркивать приверженность православной вере, в которой родилась.

Владыка Филипп, один из великих деятелей Русской церкви, изображеный в фильме примитивным грубяном, не устраивал никакого народного мятежа и величественную фразу о латинском легате «теми вратами он во град, а этими из града» сказал государю лично, после чего Иван Васильевич немедленно запретил папскому послу агитировать в пользу католицизма. Венчал Софью с князем не митрополит, а коломенский поп по простой причине — венценосный жених был второродным вдовцом, каковому торжественный обряд не полагался.

Но чтобы показать все это, сценаристу потребовалось бы вникнуть в наше прошлое. А так — в сериале практически каждый исторический факт замарывается грубым историческим лягушком. Русские трепещут ордынцев и страшно боятся, что те сожгут Москву, как Тохтамыш в 1382 году. Авторы знают, что приходы татар в 1439-м и 1451-м были неудачными. При Иване III нашествия степняков Москва не боялась, напротив, в 1471-м судовая рать вягчан разгромила Сарай. Аристотель Фьораванти просит отпустить его домой, опасаясь поражения из-за того, что у русских плохие пушки. Сценарист не в курсе, что сей итальянец, бывший военным инженером, заведовал у великого князя пущенным делом — и отменно справлялся. Другой выходец с Апеннина Иван Фрязин с гауптиками отговорками пытается отказаться ехать в Италию за Софией, ибо сценарист забыл поинтересоваться, что именно он, монетный мастер Джан Батиста делла Вольбе, был горячим люббистом «византийского брака».

Обрушение Успенского собора, которое один из летописцев в переносном смысле объяснял «трусом», превратилось в фильме в разрушительное землетрясение, что противоречит уже не только истории, но и геологии Русской равнины. Зато о постянно уничтожавших Москву пожарах со здатели фильма явно не слышали.

Все это можно было бы пропустить, если бы сказка была красива, костюмы изысканны, а игра актеров убедительна. Но сказка про русских «орков» получается страшноватой, костюмы подобраны в провинциальном театре, причем с хронологической ошибкой в среднем на сто лет, актеры же не утруждают себя ни тонкостью психологического вживления, ни хотя бы изяществом речи.

О последнем надо сказать отдельно. Почему гречанка Зоя и грек Висарий говорят по-итальянски? Почему княгиня и служанка-итальянка общаются между собой по-русски, но с итальянским акцентом? Почему княгиня не меньше года учит язык, а только прибывший итальянец Фьораванти сразу же на нем заговаривает? Отчего у русских церковников и книжников нет в речи ни малейшего церковнославянского? Почему сам великий князь изъясняется в стиле: «Радея о благе Отечества, придуши гадов»? Лингвистическую ситуацию в сериале трудно обозначить иначе как непристойность.

Спору нет, в «Софии» достаточно слов о величии Русской земли, о необходимости единства, о том, что воинские головы умереть за родные края, а Бог — с воинством православным. Вот только это слабое оправдание историческому и художественному пропалу. То, что мы считаем несколько патриотических фраз каким-то из ряда вон выходящим достижением, — национальный позор. А помимо них почти ничего хорошего, по моему мнению, в сериале, увы, нет. Справедливости ради, последние серии проекта несколько динамичнее, ярче и содержательнее первых, но зато и масштаб допускаемых ляпов становится прямо-таки анекдотическим: чего стоит один его «думской» (вместо «думного») дядя Курицин.

О патриотизме и так слишком долго говорили как о «последнем прибежище мэрзавца». Не хватало еще, чтобы он стал последней соломинкой халтурника.

На самом деле никакими массовыми

протестами византийскую принцессу на Руси не встречали и тем бо-

Сарик Андреасян:

«Россия всегда готова подставить плечо Армении»

Андреасян: На сквил альманаха удалось пригласить Алена Делона — я передал ему сценарий через друга, организатора армянских концертов в Париже. Ален ответил: «Приезжайте, поболтаем». Спустя час мы договорились снять одну смену у него дома. Еще больше поразились, когда Делон изъявил желание побывать на российской премьере. Потом отозвал меня в сторону и признался: фильм, на удивление, понравился, особенно его новелла... Сказал, что видит во мне задатки большого режиссера. Было очень приятно, не в характере звезды раздавать комплименты. Затем случилось «Ограбление по-американски» с Эдрианом Броуди. Изначально планировали снять коммерческий боевик, но я отошел к социальной драме об отчаянии людей из маленьких депрессивных городов. История вышла неровной, однако визуально убедительной — настоящее эмоциональное кино.

Когда два года назад объявили подготовку к съемкам «Землетрясения», многие писали: «Сарик, зачем вспоминать эту бойню?» А после премьеры люди подходили и благодарили, не скривили слез. Значит, фильм должен был появиться. Главное — я не оскорблял никих чувств.

культура: Чем запомнился 1988-й?
Андреасян: Страшный год начался Сумгайской резней — Советский Союз разваливался, люди теряли работу, все были подавлены. Седьмого декабря в детском саду, куда я ходил, зашатались стены, вылетели стекла, мы высипали на улицу. Ощущение, что Ереван рушится, не было, хотя для Армении это землетрясение оказалось началом конца. Накануне Нового года мы с мамой переехали из отца в Казахстан, но ежегодно навещали ереванских родных в 90-е. Как-то зимой двоюродный брат позвал в школу — окна выбиты, мы волели, сели, не раздеваясь. Учительница объяснила теорему Пифагора и через десять минут распухла классом по домам. Не было света, газа, в наших деревнях до сих пор стоят дома с закопченными буржуйками потолками — люди выхвивали как могли. Но страшнее всего — рассказы очевидцев.

культура: Основная сюжетная линия картины отчасти «заземляет» ужас катастрофы: землетрясение не позволяет свершиться мести. В итоге кровник спасает жизнь своему врагу.
Андреасян: Перед стихийным бедствием все равны — оно обнуляет конфликты, гасит рознь и заставляет людей жить с чистого листа.

культура: Жестокие удары по армянскому народу предшествовали крушению государства в начале и конце XX века...

Андреасян: Россия всегда была рядом, подставляла плечо. Но, вы правы, на долю Армении выпадает очень много горя, а затем потрясения происходят у вас. Через два года после наступления геноцида армян рухнула Российская империя, и Сумгайт предшествовал Спитаку.

Есть катастрофы, масштабу которых соответствует лишь слепое отчаяние. Во время землетрясения один человек потерял всю семью, обезумел и начал падать из винтовки вверх — в Бога. В нашем фильме старик, не пускавший дочь на порог, молится: «Зачем так больно объясняешь?»

культура: Многих зрителей смущала смерть героя в криминальной разборке. Так, как на роду написано?

Андреасян: Для персонажа Лавроненко я не рассматривал иных вариантов. Хеппи-энд обессмысливает многие сильные истории, ми сознательно уходим от голливудской романтизации катастроф — «Землетрясение» не кончается, когда в зале вспыхивает свет. Казалось бы: уж принесены не померные жертвы. Но жизнь продолжается именно потому, что вновь находятся люди, готовые к самопожертвованию. У истоков всех народов стоит герой, запускающий новый жизненный цикл.

культура: Как и простые работяги, бросившие все и по зову сердца ринувшиеся на помощь Армении со всех концов СССР. «Землетрясение» показывает подлинное историческое братство народов.

Андреасян: Это проблема постсоветского пространства — мы не рассказываем о важных вещах, присущих недавнему прошлому. Речь не о ностальгии по советской эпохе, а о разрушенной связи времен: не зная страны, в которой жили отцы, дети теряют связь с родной землей и веру в будущее.

культура: В фильме огромное количество персонажей, но нет ни одной роли второго плана. Чем руководствовались при выборе исполнителей?

Андреасян: Пониманием, что зрители не поверят артистам с медийным шлейфом. В основном мои актеры известны в Армении — зачастую юмористическими программами. Но все оказались к месту, после второго-третьего дубля я понимал: лучше не проживешь. Повезло с атмосферой: московский завод «Серп и молот» готовил к сносу, там уже были руины, но стены сохранились — мы пристроили к ним десять тысяч квадратных метров декораций. И актеры



снимались в жуткий холод, замерзшими руками ворочая глыбы. Многие удивляются: фильм выглядит гораздо дороже, чем стоил...

культура: Надеетесь окупить прокат?

Андреасян: Хотелось бы отчасти компенсировать траты. «Землетрясение» — драма с элементами катастрофы, не имеющая сильных перспектив у

молодежи. И я, когда нашу школу посещали ветераны, рассказывали про войну, не понимал, как это серьезно...

А сегодня 9 мая у меня всякий раз наступают слезы. Все приходит с возрастом...

культура: И осознание, каким должно быть твое кино?

Андреасян: Дистрибуторы и чиновники объясняли: «Ну ты понимаешь... Это должно быть зрительский фильм-катастрофа». Я и сам не хотел снимать артхаусную драму, но следовательно Роланду Эммерику, взрывающую тысячу людей в секунду, считал неуместным. Предпочел дистанцироваться от Голливуда и работать с одноплановыми сценами в реальном времени: герой врывается в рушающуюся больницу, мечется по коридорам, спасает ребенка и погибает. Считаю, это честно — не спешить выкликать камеру. И актеры не подвели — даже Лавроненко был поражен уровнем армянских коллег, говорил: «Не понимаю, как у них получается так существоовать!» Связываю это лишь с тем, что решение каждой сцены было заранее продумано и понято группой.

культура: Вырисовывается любопытный портрет режиссера Андреасяна.

Андреасян: Хорошо сказал американский друг: наши режиссеры позволяют себе выпускать фильмы раз в два года, и их агенты очень важны, кто и что подумает, а ты — европейский

член. Это так. Если меня «накроет» тема, я найду возможность снять кино.

культура: Отчего же Вы не начали с «Землетрясения»?

Андреасян: Если отказываться от предлагаемых постановок после киношколы, про тебя решат — неадекватный тип. И больше не позовут. Часто после сильного дебюта человека начинает работать хуже и хуже. Я не сразу пришел к осознанию кино и рад этому обстоятельству. Мне важно, как в фильме живет камера — в этом смысле «Светская жизнь» Вуди Аллена гораздо ближе, чем напоминающие телеспектакли «Римские приключения» и «Полночь в Париже». Но я люблю почти все картины, которые смотрю, потому что у каждой есть своя задача — невозможно ждать от Аллена того же, что от Спилберга, и наоборот.

культура: В чем главный итог Года российского кино?

Андреасян: Считаю, что у российских фильмов начинает появляться свое лицо — не звезда или бренд, а интонации, визуальный язык. Все технологии уже придуманы Голливудом, мы можем их лишь заимствовать. Важно, чтобы они работали на нашу самодостаточность.



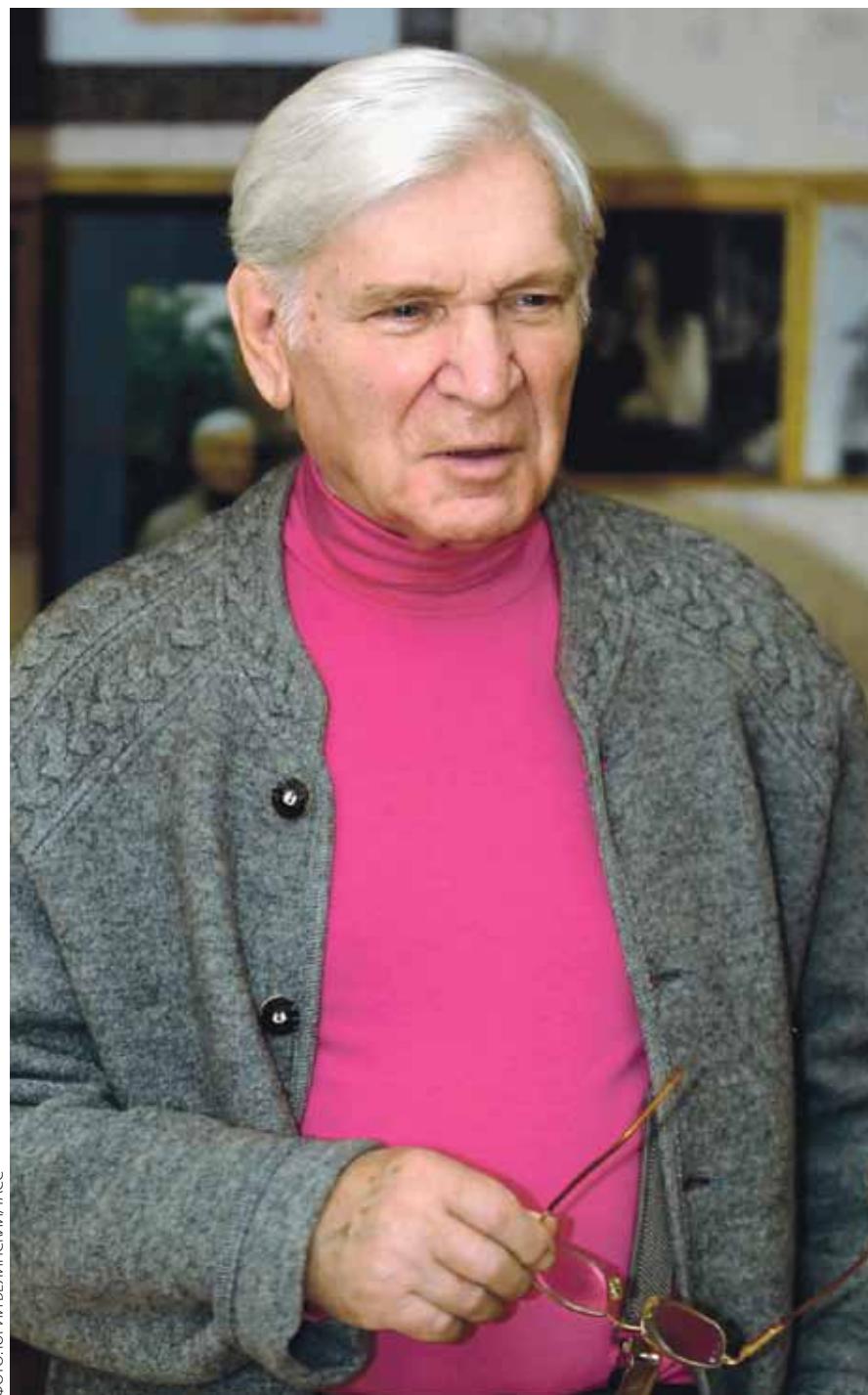


Фото: Юрий БЕЛЫМИНОВ/ТАСС

Николай ИРИН

7 декабря исполняется 90 лет со дня рождения народного артиста Петра Вельяминова. Среди популярных и любимых он стоит особняком. Хотя бы потому, что первая кинороль, сделавшая его звездой на телевизионных экранах страны, сыграна актером в сорок пять.

Сериал «Тени исчезают в полдень», где Вельяминов снялся в роли Захара Большакова, борца за Советскую власть, а впоследствии председателя колхоза, — вещь знаковая. Вдебавок, многое проясняющее в творческом методе Вельяминова. Особенность его состоит в стиле игры, способе существования в кадре, которые предопределены не личной волей, умом, интуицией, а прихотливой Судьбой. Поразительная, где-то даже пугающая естественность обеспечивается не актерской техникой, а человеческим опытом. Опыт этот буквально впечатан в тело и лицо Вельяминова, не оторвать глаз.

«Я отсидел 10 месяцев, и только тогда меня вызвали на первый допрос. Моя участь была решена, когда я сказал о том, что они держат в тюрьме

совершенно невинного человека», — вспоминал Вельяминов. Как заявили ему на одном из допросов, «яблоко от яблони недалеко падает». Получается, роковую роль сыграли и кровно-родственные узы с уже отсидевшим Сергеем Петровичем? Был ли тот хоть сколько-нибудь «вивиноват» перед властью большевиков? Кто знает. Легко допускаю, что был. Допускаю, что нечто небезосновательно замышлял, «имел настроения» или даже состоял в непосредственной связи с потенциальными либо реальными заговорщиками.

Для того чтобы адекватно оценивать те времена, нужно осознанно принять следующий тезис: полной правдой не обладал никто. Ни условный «Сталин», ни его ненавистники. Ни обиженная, иногда, кстати, по деду, интеллигенция, ни тяжелый по характеру, недалекий по уму пролетариат. Ни убежденные советские идеологи, ни их забугорные критики. Ни сбежавшие капиталисты с дворянами, ни оставшаяся крестьянская чернь, как раз и заказывавшая, и транслировавшая из глубин своего архичного «бессознательного» предельную, без полутона, жестокость.

Ведь как хорошо, как точно, но и страшно было за подвеку до того написано о взаимоотношениях «матери сырой земли» и мужика Селянина-вича Глебом Успенским: «Она забрала его в руки без остатка, всего целиком, но зато он и не отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяин-земля, он ни за что не отвечает: он убил человека, который увел у него лошадь, и невиновен, потому что без лошади нельзя приступить к земле: у него перемерили все дети — он опять не виноват: не родила земля, нечем кормить было; он в гроб в ногах, вот эту свою жену — и невиновен: дура, не понимает в хозяйстве, ленива, через нее стало дело, стала работой...»

Смешно, когда подобное гиперязычество наостальтически именуют «православной империей» или, того хуже, «Россией, которую мы потеряли». Да не потеряли, а, слава Богу, перестроили, модернизировали.

Вся эта, казалось бы, отвлеченная социополитика имеет прямое отношение к личности и актерской судьбе Петра Вельяминова. Парадоксально, но человек, девять лет отработавший в лагерях, а после освобождения лишенный возможности проживать в крупных городах Сибири и скитавшийся по провинциальным театрам, в первой же своей картине играет героя, представляющего от лица самой власти, на которую вроде должен был затянуть смертельную обиду.

«Я отсидел 10 месяцев, и только тогда меня вызвали на первый допрос. Моя участь была решена, когда я сказал о том, что они держат в тюрьме

пьесе «Кандидат партии», состоящей из лозунгов и трескучих фраз. Вельяминов, играющий главную роль, сумел взволновать зал, и мы подумали, что если дать этому актеру слова более человеческие, он сможет вызвать чувство и сопреживание. Особенно на него понравились его глаза».

И как играет. Захар Большаков едва ли не в одиночку противостоит тому первобытному хаосу, что предписывает культивировать своим детям пресловутая мать сырья землю. Сдерганный и внимательный, он высушивает и присматривается, анализирует и контролирует: землю, деревню, Сибирь. Вельяминов в этом фильме — эмблема того, что называется «ответственное поведение».

И кстати, Большаков такой не один.

Много раз ранговая-переруганная с

перестроекой поры партия объединяет таких же ответственных мужиков, нагруженных неподъемным, на первый взгляд, Делом. Следует заметить, если бы таких не было в реальности, если бы не составляли они тогда партийно-правительственное большинство и дело их не было «правым», — загнулись бы, проиграли бы, сдалися. Ну не может сильный художественный текст настолько убедительно воспроизвести заведомую неправду.

Тем более не смог бы актер, потерявший юность на гидролизе, на лесостепи, в дистроическом лазарете, семь серий подряд держать столь высокую ногу, где смирение переплавлено с смекалкой, силой и любовью.

Вельяминов сразу же начинает с поистине великой роли. Его персонаж потихоньку, методично отбирает у матери сырой земли власть над Зеленым Долом. Гениальный, не меньше, посыпанный романтикой Анатолия Иванова, постановщиков Краснопольского и Ускова в том, что мужик отныне не безответственный раб родоплеменной, по сути, архаки. Мужик отныне должен отвечать за свои мысли и поступки.

Вместо лошади нужен трактор. Дети любой ценой должны быть сыты. Жена, если даже почему-то ленива, пускай же разовьется его сердечные усилиями во что-то новое, радостное и продуктивное. Наконец, сосед пускай будет не охочим до чужого имущества опасным занавистником, а добрым отзывчивым товарищем.

И Вельяминов в сдержанной, но внутренне напряженной манере играет эту самую «ответственность». Играет человека, которому веришь, потому что он в свою очередь преисполнен верой: жизнь не кончается сегодняшними кошмарами, возможно, случайными, возможно, нет. Власть земли не вечна, лагерь не вечен, театральная провинция будет, возможно, не всегда. А впрочем, в последней нет ничего страшного.

Постановщики «Тени...» встретили Вельяминова в Свердловском театре. Валерий Усков вспоминает: «Мы с режиссером Владимиром Краснопольским увидели Вельяминова в жуткой

слабоватая драматургия, даже навязчивые идеологии не мешали Вельяминову давать человеческую подлинность. Его руководители — производная от личностного внутреннего роста, а не от решения коллективных партийных форумов.

Как ни странно, этот пострадавший будто бы именно от Советской власти (на деле, от общенационального Хаоса) актер, как никто другой, эту самую власть художественно оправдывал, отбивал, все хорошее в ней было от терпеливых ответственных тружеников, все плохое — от не осознавших себя до поры и потому слепившихся «победителей».

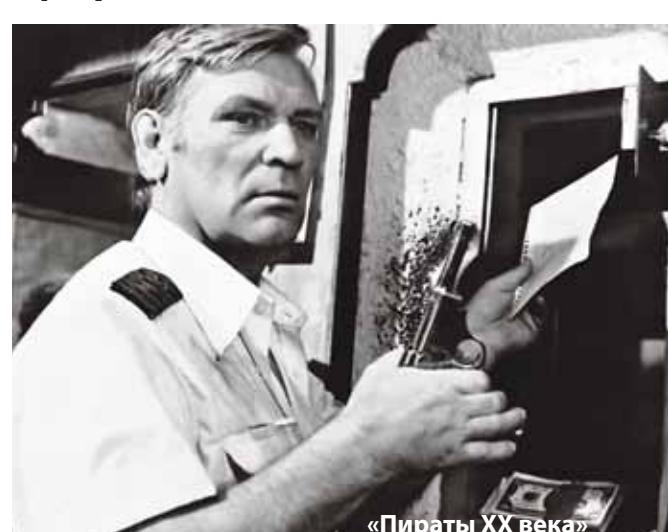
Интеллигентский по происхождению сарказм, ирония — не черта вельяминовских персонажей. Слишком много проходит передумано, не до смеха. В недооцененной, мне кажется, картине «Сладкая женщина» он играет несколько, быть может, занудливого, но все еще сильного инвалида войны. Будучи не в силах ужиться с непонимающей себя и по-своему несчастной деревенской молодой, тяжело рвет отношения: «Меня от одного твоего вида мутит. Что я тебя больше не видел».

Здесь похожая, в сущности, расстановка сил, как в «Тенях...» или «Вечном зове». Разница в том, что исследуемое время — середина 70-х, а не тридцатые — пятидесятые. Красивая, обаятельная и по природе тонкая деревенская героиня Натальи Гундаревой самостоитально обживает Большой Город, а традиционный для Вельяминова «учитель жизни», «отец», теперь на ней женат. Здесь его мудрости с терпением недостаточно, только пройдя через личностную драму, через тяжелое разочарование от дармовых «конфет», герой обретет новое понимание. Эта картина хорошо анализирует всю нашу последнюю соколетнюю историю. Там, где объясняется бесполезно, нужно рвать, безжалостно расставаясь. В персонажа Вельяминова хватает мудрости-мужества и на это.

Кажется, что сегодня, когда страна вдоволь наелась плохо обеспеченных внутренней работой «счастьств», заново появляется потребность в тех ценностях, в той манере и том градусе осознанности, которые предъявляли персонажи Петра Вельяминова. Работать не спеша, без паноса и, что называется, без понтона. Не наигрывая значимость и всемирно-историческое значение. В первую очередь над собою. Чтобы потом, прислушавшись к тем из растерявшихся соотечественников, кто нуждается в помощи, — вникнуть, подсказать, организовать.



«Тени исчезают в полдень»



«Пираты XX века»

Екатерина Вельяминова:

«Род Вельяминовых известен со временем Дмитрия Донского»

Евгения КОРОБКОВА

Родственники артиста неохотно дают интервью, однако «Культура» удалось поговорить со старшей дочерью Петра Сергеевича, актрисой омского ТЮЗа Екатериной Вельяминовой.

Культура: Как познакомились ваши родители?

Вельяминова: Это произошло в Абаканском театре драмы. Отец, только-только вернулся из лагерей, куда попал совсем мальчишкой, в шестнадцать. Он отсидел девять лет, но, что удивительно, в труппу его взяли по протекции лагерного начальства: за участие в художественной самодеятельности ему скостили срок почти на год и дали рекомендательное письмо, гласящее, что он человек одаренный и дисциплинированный. Отмечали в театре какое-то торжество, все сидели за столом и шутили, рассказывали анекдоты, слушали из жизни. Потом праздник закончился, а отец с мамой все разговаривали. Им было интересно и хорошо

друг с другом. Мама приняла историю папы очень близко к сердцу.

Культура: Она рисковала, когда согласилась стать женой человека с таким прошлым?

Вельяминова: Да что вы, конечно, нет. Тогда люди иначе к этому относились. К тому же после развода мама осталась с двумя детьми. Она и не надеялась, что снова выйдет замуж.

Культура: Как Петр Сергеевич отнекился к детям жены от первого брака?

Вельяминова: Он делал все, чтобы брат и сестра чувствовали себя счастливыми. Покупал лучшие книги, игрушки. Например, у брата были велосипед, боксерские перчатки, радио, лобзики-паяльники. Сестре он подарила детскую швейную машинку: невероятная роскошь по тем временам. Баловал нас деликатесами. Я теперь удивляюсь — откуда только деньги бралились. Получали родители совсем немногого. Мебель у нас стояла старень-



кая, в основном списанная со старых спектаклей, а вот игрушки, книжки — самые лучшие. Что говорить, когда отец ушел, для нас всех это стало огромной потерей. Мой брат даже начал заняться, и в школе его освободили от устных ответов.

Культура: Как был устроен быт в семье?

Вельяминова: Отец любил, чтобы на столе стояла красивая посуда: супница, гжельские тарелки, ложки. Если мы не хотели есть, то должны были сказать: «Спасибо, разрешите выйти». Бабушка по маминой линии — из польской семьи, где было принято обращаться к родителям «на вы», но отцу это не нравилось, и он нам запретил. По вечерам мама любила вышивать, а папа читал ей вслух. Он был страстный книжечек. Да и меня ведь назвали Катей в честь героя романа «Хождение по мукам».

Культура: А когда Вы узнали, что по отцовской ветви принадлежите древнему дворянскому роду?

Вельяминова: Я еще маленькая была, когда папа привез из Москвы портрет одного из своих дедов в эполетах. Возможно, ему запрещалось бывать в столице, но он как-то обходил предписание, чтобы повидать родителей. Позже, когда появился интернет, узнала, что род Вельяминовых известен со временем Дмитрия Донского. Мужчины обычно становились военными и не знали о погонях, провалов для них оказывалась лишь Русско-японская война. Однажды я наткнулась на стихотворение одного из наших предков, воевавших в этот период.

Культура: Вы не так часто даете интервью об отце. Он ушел из семьи, когда Вы были совсем маленькой. Помните, как это произошло?

Вельяминова: Перед глазами стоит картина: мне девять лет, я жду папу с работы. Когда он приходил, я всегда бежала к нему, чтобы обнять. И вот папа входил, я вдруг остановилась на подорожке и отошла. Все поняла. После развода мама забрала нас и уехала в другой город. «Я так боялась встретить Петя с новой женой, что махнула в Иркутск», — объясняла она потом. Помню, мне хотелось остаться с папой, но было очень жалко маму. Она так страдала, что мы при ней даже боялись говорить об отце, не могли смотреть фильмы с его участием. Мама более или менее пришла в себя, только когда у меня родилась дочь.

Культура: Неужели не было никакой возможности сохранить брак?

Вельяминова: Позже мама рассказывала, что, когда они шли разводиться, отец предложил: «Люся, ну хочешь, все будет по-старому». «Петя, по-старому нет сил», — ответила она. Понимаете, в Петербург на гастроны, у меня — кроткая роль, чуть ли не в массовке. Но вдруг на поклоне мне подарили огромный букет лилий. Я позвила папе: это ты? Но он не сознавал.

Культура: Вы сумели простить его?

Вельяминова: В последнюю нашу встречу я обняла его, как в детстве, и сказала: папа, я же так любила тебя. Он, как никто, умел понимать. Думаю, эта способность и располагала к нему женщин. А ему было необходимо постоянно испытывать влюблённость. Сейчас понимаю, откуда это в нем:казалось то, что он с шестнадцати лет был выброшен из жизни. Как бы ни любила его семья — ему не хватало. Отцу был нужен не просто дом. Ему требовалось как можно чаще ощущать сильное чувство. К сожалению, понять это могла не всякая женщина.

Книжная полка

История и политика — чтиво, по своей увлекательности порой превосходящее детективы и боевики. «Культура» подобрала последние, самые яркие, новинки этого жанра.

Шаланды, полные кефали

«Подъем Испанской империи. Реки золота», Томас Хью. — М.: ACT, 2016

Бесчисленные галеоны, до самых бортов груженные золотом, — английский историк не стал разочаровывать читателей, именно в таком ключе написана книга. По-простому, без учёных излишеств, но с явным политическим аспектом. Что-де весь этот ужас, то есть написк злых испанцев на страны цивилизованной Европы, остановили именно английские моряки да солдаты, честь им и слава.

Повествование о давнем недруге Альбиона начинается с времён нашествия мавров на Иберийский полуостров, далее разворачивается история их изгнания, потом — рассказ об открытии Америки и начале её колонизации. Естественно, испанцы предстают перед нами как исчадия ада — жестокие иррагиозные фанатики, вырезавшие местных жителей подчистую.

Несмотря на более чем沃尔ное обращение автора с фактами, книга проходит легко. Скорее, это не исторический труд, а некий анализ пиратской саги Рафаэля Сабатини, которому придали научно-образный вид. Пытливый читатель не найдёт тут ответов на многие вопросы, связанные с историей Испании. А она таит не мало загадок. Почему реконкиста затянулась на лишние несколько десятилетий, хотя мавров можно было изгнать гораздо раньше? Почему открытие Нового Света так удачно совпало с окончанием реконкисты? Почему Колумб плыл так целенаправленно? Что за древние карты были у первооткрывателя? Куда делись те самые скрипки золота, вынесенные в название книги, да и были ли они?

МИД уполномочен заявить

«Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935–1937 гг.: Документы и материалы». Автор-сост. Н.Н. Кабанов, под ред. В.В. Симонова. — М.: «Русская книга», 2016

Различные спекуляции на историческую тему сегодня, увы, весьма распространено явление. Другое дело, когда публикуются неопровергимые свидетельства бывшего. В данном случае как раз такой вариант — историк и политик Николай Кабанов издал целую папку дипломатической переписки, сохранившейся в вашингтонской миссии Латвии. В книгу вошли 106 документов без каких-то купюр, все они относятся ко второй половине 30-х годов XX века.

Несмотря на некоторую «казенность» ряда бумаг, их изучение — очень увлекательное дело. Ведь работники посольств спали руководству объектив-

ную информацию, в том числе ту, о которой нынче в Латвии и ЕС в целом вспоминать не принято.

«На странице 68 — интереснейший документ по советско-финским отношениям, он датирован 1935-м. Из него понятно, что Суоми не оставила своих попыток заполучить Карелию, и что приход к власти Гитлера очень воодушевил финнов — с его помощью они хотят попытаться захватить часть советской территории», — рассказывает Владимир Симонов.

Помимо ситуационных донесений присутствуют и аналитические материалы, их качество свидетельствует о высоком уровне квалификации и эрудиции сотрудников латвийских дипмиссий. Как правило, все они были выпускниками лучших гражданских и военных вузов Российской империи, некоторые учились в Германии. В частности, самого пристального внимания заслуживают записи от 1936 года о перспективах сближения стран Балтии и Советского Союза (стр. 200), а также анализ новой Конституции СССР (стр. 167). Конечно, многие донесения и аналитические выкладки латвийских дипломатов политизированы, что касается оценок, то всем верить не стоит. Однако упомянутые факты говорят сами за себя.

«Многие документы очень «неудобные», но это — документы. И их никто не пытается опровергать, сие невозможно. Поэтому просто не замечают, в странах Балтии делают вид, что никакой книги не вышло», — подчеркнул Николай Кабанов.

Ильич интригующий



«Ленин. Спаситель и создатель», Сергей Кремлев. — М.: «Алгоритм», 2016

Изучение и конспектирование работ В.И. Ленина еще четверть века назад было обязательным для школьников, студентов и не только. Но многие ли из нас готовы сказать, что знают труды Ильича? Многочисленные тома его писем, речей, статей, аналитических и иных записок вызывают ужас у любого исследователя. Однако нашелся тот, кто решился на типографский труд.

Книга получилась солидной — увесистый томик в 1008 страницах, плотно набитый цитатами первоисточника. Со страниц на читателя смотрят не «икона», а вполне реальный человек. Со своими страстями, амбициями, слабостями и мечтами. Искусный интриган, хитрый политик, умелый полемист и публицист. Вот, например, его фраза из воспоминаний о разгоне «Учредительного собрания»:

«Тяжелый, скучный и нудный день в изысканных помещениях Таврического дворца, который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мертвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом еще беспорядочного и недоделанного, но живого и жизненного советского аппарата...»

Нильс ИОГАНСЕН

рия подвига, операции по ликвидации Вильгельма Кубе, не раз экранизирована — на ее основе сняты художественный фильм «Часы остановились в полночь» и историко-документальная кинолента «Убить гауляйтера». Приказ для троих. И все же этой книги не было, если бы не сын Надежды Викторовны Алексей Васильевич Коротеев-Троян, известный кардиохирург. Он по-звонил мне, хотел, чтобы именно я написал о его маме. Я сомневалась, а как это сделать? Архивных материалов почти нет, только большой альбом с фотографиями, несколько сотен снимков. Решили работать так: Алексей Васильевич рассказывала, я записывала, потом публиковались статьи в «Российской газете» и интернете. Стали приходить отзыва, читатели ждали продолжения, но материала все равно не хватало. И тогда мы написали письмо в ФСБ с просьбой предоставить информацию. Нас вежливо приняли и обещали рассекретить документы. Причем сделали это довольно быстро. Среди рассекреченных документов обнаружилась интереснейший прото-



Александр Григоренко:

«Девяносто процентов текстов пишутся для женщин»

Евгения КОРОБКОВА

В Норильске завершился фестиваль «Литературный Аргиш», посвященный произведениям коренных народов Севера. Сюда традиционно съезжаются эвенки, нганасаны, долганы, чукчи, якуты. Самым аншлаговым мероприятием нынешнего форума стало выступление лауреата премии «Ясная Поляна» Александра Григоренко, автора книги «Потеря слепой души».

Культура: Вы не присутствовали на церемонии награждения в Москве, приз получала редактор журнала «Октябрь» Ирина Барметова. Она сообщила, что буквально заставила Вас написать отмеченному премией поэзию «Потеря слепой души». Неужели правда?

Григоренко: Да, можно сказать и так. Я ведь пишу очень мало, за всю жизнь выпустил только три книги. Но когда в прошлом году позвонили из журнала «Октябрь» и сказали: «Саша, давно ты у нас не публиковался», я сел и со-здал новую вкладку. Включилось ремесленничество, журналист ведь, если говорят «надо», берется и делает.

Культура: Вы разделили премию с писательницей Наринэ Абгарян. Читали ее книгу «С неба упали три ябло-ка?»

Григоренко: Это очень хорошая женская литература. Утверждаю это без каких-то негативных коннотаций. Девяносто процентов текстов пишутся для женщин, потому что передача знаний идет именно через них. В ключевом возрасте от двух до пяти лет человек живет преимущественно среди женщин иими же формируется. К примеру, Арина Родионовна дала Пушкину больше, чем все европейские писатели.

Культура: Но разве Шурик не заслужил такую жизнь? Он пьет, опускается, пахнет настолько гадко, что люди боятся вступить его в квартиру.

Григоренко: Вот так рассуждали и родственники, прикрывавшие собственное малодушие грехами инвалида. «Вы бы Шурику хотя бы комнатку купили, чтобы он жил там», — говорила Анна, сердобольная тетка, желавшая помочь. «Зачем комнатку? Чтобы он там пил?» — не понимали повествует о Макондо, только армянском. Возникают прямые ассоциации с Маркесом.

Культура: А сами как относитесь к автору «Ста лет одиночества»?

Григоренко: Он один из моих любимых писателей. Как сказал мой коллега, идеальное начало романа — это когда в первом предложении умещается весь последующий текст. Помните, с чего начинается «Сто лет одиночества»? «Много лет спустя, перед самым расстрелом, полковник Аурелиано Буньдия припомнит тот далекий день, когда отец повел его поглядеть на лед». Мы получаем информацию обо всем: что героя расстреливают, и что он воевал и потерпел поражение. А лед — это загадка, сразу захватывающая внимание читателя.

Культура: В Вашем произведении «Потеря слепой души» все начинается с света, наблюдющего за



сторонним толстым человеком, избитым на дороге.

Григоренко: Самое сложное — обнаружить точку отсчета, и ветер, от лица которого начинается и заканчивается повествование, помог мне ее найти.

Культура: Главный герой книги — полулукий-полунемой инвалид Шурик. Это реальный персонаж?

Григоренко: Шурик — мой ровесник, мы жили вместе в деревне под Никитином Новгородом. Когда Шурик вырос, на него навалились несчастья. Бабушка, очень ее любившая, умерла, а родственники бросили и фактически обобрали.

Культура: Но разве Шурик не заслужил такую жизнь? Он пьет, опускается, пахнет настолько гадко, что люди боятся вступить его в квартиру.

Григоренко: Вот так рассуждали и родственники, прикрывавшие собственное малодушие грехами инвалида. «Вы бы Шурику хотя бы комнатку купили, чтобы он жил там», — говорила Анна, сердобольная тетка, желавшая помочь. «Зачем комнатку? Чтобы он там пил?» — не понимали

родные. Да хоть бы и пил. Это все равно, что человека, который заблудился и месяц шатался по тайге, попрекать тем, что он небрит и воняет. Выведите его к людям, отмойте, а потом

рассуждайте о моральном облике. Для меня идеальное возвращение к миросердию — монолог Мармеладова. Он конченый алкаш, но верит, что спасение возможно даже для таких, как он.

Культура: Писатель Владислав Отрошенко сделал вывод, что в смерти Шурика никто не повинен, «такова структура момента». Согласны?

Григоренко: С одной стороны, да, ведь в наше время Мармеладова вряд ли покажут скажут, сам виноват. Однако я убежден, что людей нельзя оценивать по способностям, внешнему виду и по той пользе, которую они могут принести. Нельзя просто взять и изъять человека из мира, все вокруг начнет рушиться. Об этом — «Меланхолия» фон Триера. Почему его мир погибает? Что ужасного в нем происходит? Так ведь не насилиют, не едят младенцев, кругом приличнейшие люди. Проблема в том, что отношения этих приличнейших людей строятся только по принципу надобности. Одному нужно, чтобы слоган написали, другой предлагает пожениться, раз уж был хороший секс. Все человеческое закончилось. Так и в случае Шурика.

Я не идеализирую прокаженную деревенскую жизнь. Были у нас и алкоголики, персонажи очень хлопотные, особенно для близких. Их ругали, но никто никогда не заявлял, «раз ты пьешь, то подыхай».

Культура: Шурику перед смертью на капала большая пенсия, и в книге не сказано, что он с ней сделал — прогип или пустил на что-то плохое.

Григоренко: Я сам долго думал, как быть с этим моментом и нужно ли начинать, что, допустим, у Шуриковой дочки появилась какая-нибудь дочь. Но потом решил, не стоит этого делать. А даже если бы и пропил, что тогда?

Культура: Может быть, у Вашей книги и «женской прозы» Абгарян больше общего, чем кажется? Роман Наринэ — это оптимистичный взгляд

на деревню, Ваш — пессимистичный. Обе книги начинаются со сцены смерти, но если героя Наринэ становится символом надежды на возрождение, то Ваш герой умирает окончательно, забрав с собой самое светлое, самое ценное...

Григоренко: Почему-то многие полагают, будто я написал книгу о смерти деревни, но это совершенно не так. О том, что происходит, пусть расскажут публицисты, экономисты, социологи. Литература исследует только душу человека, и меня мучила лишь эта конкретная история. Возможно, всему виной моя личная проблема. В советское время с нами нянчились, вкладывали четкие понятия о добре и зле, о том, что правильно, а что нет. А теперь — исчезли представления о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». У каждого они могут быть свои, и мне трудно с этим смириться.

Я всего лишь хотел сказать, что мир, который строился на снисходительности, безвозвратно ушел. Раньше был страх обидеть человека, а сейчас — тебя обидят, а ты не ответишь. Посмотрите, как изменилась наша молодежь. Она не стала хуже, нынешние студенты пьют гораздо меньше, чем мы, они больше занимаются спортом, но если у нас было желание «выпрыгнуть из штанов», что-то кому-то доказать, то у них такого желания нет. Впрочем, я сейчас начну брюзгать. Спросите меня о чем-нибудь другом.

Культура: Несколько лет назад Вы были претендентом на «Большую книгу». За кого болеете в этот раз?

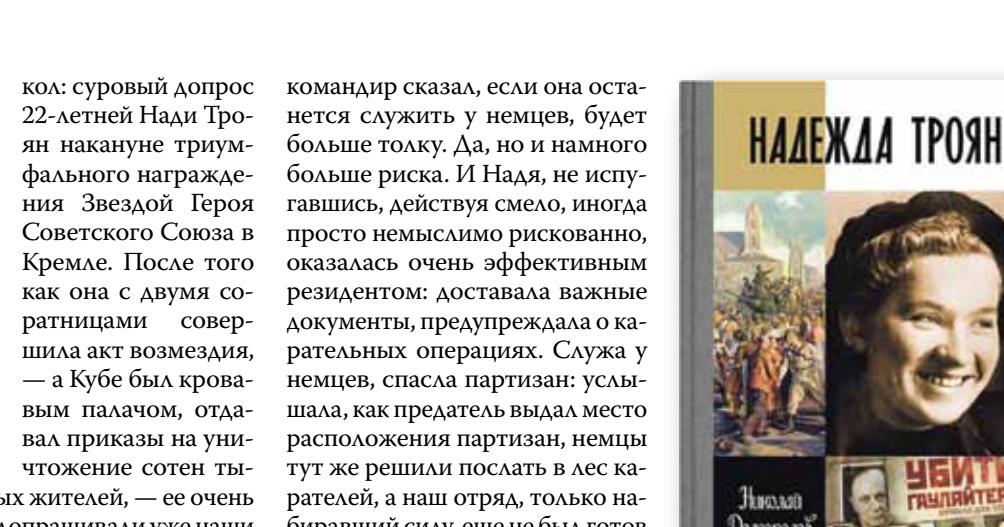
Григоренко: Мне нравится «Авиатор» Евгения Водолазкина, но фаворит списка остается «Зимняя дорога» Леонида Юзефовича. В исторической прозе последнего меня поражает его способность превращать документ в эпос, в рыцарский роман. Цветаева в эссе «Пушкин и Пугачев» говорила: загадка «Капитанской дочки» в том, что и герой, и антигигант — благородны. Это «препирательство в благородстве» есть и в поэзии героя Юзефовича: Страна и Пепеляева. Оно обуславливает их трагическую судьбу. И поскольку в романе ничего не выдумано, это значит, что Гражданская война не такое одномерное прошлое, как часто представляется.

Троянская война

Дарья ЕФРЕМОВА

Вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» книга о яркой, богатой событиями жизни Героя Советского Союза, врача-хирурга, руководителя Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Надежды Троян уже успела полюбиться читателям. «Культура» побеседовала с автором, писателем, историком разведки Николаем ДОЛГОПОЛОВЫМ.

Культура: Героями Ваших предыдущих монографий становились корифеи нелегальной работы — Рудольф Абель, Георгий Вартанян, Ким Филби. И вдруг Надежда Троян. В возрасте 22 лет в оккупированном Минске она организовала ликвидацию гауляйтера Белоруссии, а потом, кажется, вовсе не была связана со спецслужбами, трудилась хирургом в Первом медицинском институте. **Долгополов:** Надежда Викторовна Алексей Васильевич Коротеев-Троян, известный кардиохирург. Он по-звонил мне, хотел, чтобы именно я написал о его маме. Я сомневалась, а как это сделать? Архивных материалов почти нет, только большой альбом с фотографиями, несколько сотен снимков. Решили работать так: Алексей Васильевич рассказывала, я записывала, потом публиковались статьи в «Российской газете» и интернете. Стали приходить отзыва, читатели ждали продолжения, но материала все равно не хватало. И тогда мы написали письмо в ФСБ с просьбой предоставить информацию. Нас вежливо принял и обещали рассекретить документы. Причем сделали это довольно быстро. Среди рассекреченных документов обнаружилась интереснейший прото-



командир сказал, если она останется служить у немцев, будет больше толку. Да, но и намного больше риска. И Надя, не испугавшись, действуя смело, иногда просто немыслимо рискованно, оказалась очень эффективным резидентом: доставала важные документы, предупреждала о карательных операциях. Служба у немцев, спасла партизан: услышала, как пред



Патрисия Каас:

«Пора жить на всю катушку»

Юрий КОВАЛЕНКО Париж

5 декабря Патрисии Каас исполняется 50 лет. Накануне юбилея артистка выпустила десятый альбом, который назвала собственным именем. Со знаменитой певицей встретился корреспондент «Культуры».

Культура: Два года назад Вы бесследно исчезли со сцены. Не стало ни концертов, ни дисков, ни интервью. Ваш телефон и электронная почта не отвечали. Что произошло?

Каас: Последние годы я трудалась на износ. Помимо гастролей и запи- си снималась в кино, сочиняла автобиографию. Забыла, что выше головы не прыгнешь. Эмоциональный и физический груз накапливался. Тяжелым ударом стал и смерть моей болонки Текилы. Я к ней относилась как к ребенку, которого у меня никогда не было. На меня обрушилась депрессия, и я не выдергала. Пропал всякий интерес к жизни — даже не хотелось вставать с постели. Оказались, мои плачи недостаточно крепкие, хотя я выросла в немецкой шахтерской семье и научилась молча переносить страдания. Слава Богу, теперь все позади. Закончилась новый альбом «Патрисия Каас». В январе отправляюсь на гастроли.

Культура: «Для женщинины слава — лишь блестательный траур по счастью», — заметила мадам де Стель. Не правда ли, талант — дорогое удовольствие, за него приходится платить высокую цену?

Каас: Насчет таланта не знаю, а за успех — точно. Я словно проживала параллельно две жизни. Одну — гла- мурную, головокружительную. Другую — полную горечи, страданий, связанных со смертью родителей и брата, вечных сомнений и неуверенности в себе.

Культура: И тем не менее Вам удалось с этим справиться. Вы натура волевая?

Каас: Я человек с характером, крепкий орешек. Но даже самые сильные люди порой проявляют слабость, оказываются легко ранимыми, испытывают боль после разлуки. От этого никуда не деться. С годами мне стало легче признаваться в собственных проблемах. Как и всем, мне необходимо плачко, к которому можно склонить голову.

Культура: Новый диск занимает первые строчки в хит-параде. Доволны таким результатом?

Каас: Когда завершила альбом, то расплакалась, настолько велика была моя радость. Я почувствовала, что выздоровела, будто бы проснулась другим человеком.

Культура: Ваши песни — это Вы сами?

Каас: Я бы так не сказала. Мой сценический образ отличается от того, какая я в жизни. И хотя я выражают собственные чувства и переживания, они не всегда автобиографические. Порой темами композиций становятся важные события — например, песня «День и час» с последнего диска посвящена террористическим актам во Франции.

Культура: «Моя жизнь — это битва», поете Вы. В этой схватке у Вас больше побед или поражений?

Каас: Рано или поздно мы окажемся побежденными, но до наступления рокового часа нужно сражаться. Я

веду борьбу за саму себя, часто — с мужчинами (смеется).

Культура: «Надоел мне мой любовник, мой любовник шарлатан», говорите Вы в новом альбоме. Неужели до такой степени разочаровались в представителях сильного пола?

Каас: В этих словах, как у меня часто бывает, звучат ирония и насмешка, никакого сожаления. А роман с «шарлатаном» действительно был неудачным, и я его прогнала, но у меня случались и более счастливые увлечения.

Культура: В одном из интервью Вы мне признались, что не прочно познакомились с Джорджем Клуни. Получилось?

Каас: В один прекрасный день моя мечта почти сбылась. Мы пересеклись на Каннском фестивале на приеме по случаю презентации фильма «Тринадцать друзей Оушена». Неожиданно стокнулись лицом к лицу, и я так опешила, что потеряла дар речи. Но все меняется. Теперь хочу познакомиться с актером Майклом Фассбендером (смеется).

Культура: Как все красивые женщины, Вы, наверняка, часто меняете мужчин?



Каас: Не так уж часто, как все думают. В моей жизни бывают моменты, когда я вполне обхожусь без сильного пола и прекрасно себя чувствую. Свобода необходима любой женщине. К тому же по своей природе я человек не ветреный, а преданный. Изменять мне случалось только из чувства мести, а не потому, что был нужен новый партнер.

Культура: Что для Вас важнее — сцена или личная жизнь?

Каас: Эстрада всегда стояла на первом месте. Видимо, именно поэтому личная жизнь не задалась — ни мужа, ни детей. Поскольку я постоянно на гастролях, жить со мной хлопотно. Главным для меня всегда было творчество, а мужчинам приходилось довольствоваться тем, немногим, что оставалось. Давно пора менять приоритеты (улыбается).

Культура: В свое время выпуск Вашей первой пластинки, сингла «Ревнивый», финансировал Жерар Депардье. Потом Вас взял под опеку сам Ален Делон. Это были исключительно платонические отношения?

Каас: Когда раздался звонок Жерара, я решила, что моя разыгрывала. «Ревнивый», правда, не стала событием, но помогла мне найти себя. С Аленом мы познакомились четверть века назад и по-прежнему нежно относимся друг к другу. Решили ничем не усложнить наши отношения, даже поцелуем. Иногда мы встречаемся. Потом он пропадает, но всегда приходит на мои концерты. У Делона сложный характер. Порой он замыкается в себе, никого не хочет видеть, обижается на весь мир. Когда ему звонишь, чтобы поздравить с днем рож-

ждения, может всплыть: «Неужели до сих пор не знаешь, что мне на них наплевать?» Затем вновь появляется и начинает жаловаться: «Куда ты пропала? Почему больше не звонишь? Ты меня забыла?» Раньше я обожал давать советы, но постепенно я накопила собственный опыт и все меньше нуждаюсь в его поддержке.

Культура: Вас часто сравнивают с Марлен Дитрих, Эдит Пиаф и даже с Мадонной.

Каас: Не могу сказать, что мне это нелестит. Кажется, с Дитрих у нас чем-то похожи голоса, с Пиаф меня родният чувственность и страсть. Что до Мадонны, раньше я была ее фанатом, а сейчас мне не нравится то, что она делает. Тем не менее, мне всегда хотелось иметь собственный голос, а не быть на кого-то похожей.

Культура: Вы пробовали себя в кино, но карьера как-то не сложилась. Ждете новых ролей?

Каас: В ленте Клода Лелуша «А теперь, дамы и господа» я играла певицу, это было легко. В телефильме Тьерри Бинисти «Убитая» снялась в роли матери, потерявшей единственную дочь. В эмоциональном плане работа дала очень тяжело. Что касается новых предложений, мне бы не хотелось жертвовать своим главным ремеслом во имя кино, но если предложат что-то сверхинтересное, скорее всего, соглашусь. Я бы предпочла попробовать себя в комедии — в легком жанре публика меня не представляет. Думаю, у меня получится.

Культура: Кто-то из великих постановщиков считал, что артист должен каждый вечер умирать на сцене. Согласны?

Каас: Каждый раз трудно. Я отдаю себя публике целиком, но всегда помню, что завтра очередной концерт. Помогает моя дисциплинированность, унаследованная от матери-немки.

Культура: В январе Вы отправляетесь в затяжное турне. В Россию заглянете?

Каас: Конечно, что за гастроли без нее? Ваша страна меня удоочерила, и я испытываю к ней самые нежные чувства. На мои концерты заходят даже Владимир Путин, с которым мы обменялись несколькими фразами по-немецки. Где я только не выступала, от Москвы до Владивостока, и везде ко мне относились как к своей. Ваша публика щедрая и непосредственная. А я люблю людей естественных. Мне претит всякая претенциозность.

В 2009-м приезжала в Москву на «Евровидение». К сожалению, заняла лишь восьмое место, хотя рассчитывала на победу. Наверное, выбрала не самую удачную песню. Во Франции меня раскритиковали, зато у вас получила приз прессы, украшенный русским флагом.

Культура: Пятого декабря Вам исполняется 50. Как Вы относитесь к столь серьезной дате?

Каас: Не скажу, что эта цифра мне нравится, но она условная. Утешаю себя тем, что до следующего юбилея в запасе целых десять лет. Когда тебе 20 или 30, кажется, что все впереди. В моем возрасте ко многому относишься иначе. Хотя, кто знает, вдруг дотяну до ста, и окажется, что сейчас — лучшие годы моей жизни. Себе все время говорю: хватит сожалеть и терзаться вопросами. Пора жить на всю катушку. Так что стараюсь наслаждаться не только каждым днем, но и каждой минутой.

Привет, «Артист»

Накануне концерта композитор Людовик Бурс дал эксклюзивное интервью «Культуре».

Культура: Ваше знакомство с музыкой состоялось благодаря аккордеону. Почему выбрали именно его?

Бурс: Это произошло случайно. Я вырос в Бретани, в маленьком городе на западе Франции. На площади ребята играли на аккордеоне, и буквально все жители собирались, чтобы их послушать. Тогда и понял, что это отличный способ показать себя. Нам всем необходимо признание родителей, друзей. Так что в какой-то степени я занялся музыкой ради того, чтобы привлечь к себе внимание. В 11 лет вместе с небольшим оркестром уже выступал на различных праздниках: балах, свадьбах, религиозных торжествах. Затем познакомился с преподавателем по аккордеону, который оценил мои способности и абсолютный слух. Позже он посоветовал переключиться на фортепиано и поступить в консерваторию в Сен-Бриё. Тогда мне пришло время расстаться с аккордеоном — было невозможно совмещать две дисциплины. Но сегодня я частенько использую этот инструмент, работая над музыкой к той или иной ленте.

Культура: Когда у Вас проснулась тяга к сочинительству?

Бурс: Примерно в десять лет я впервые увидел фильмы Серджо Леоне и услышал музыку Эннио Морриконе. Там есть моменты, когда герои не произносят ни единого слова. Тогда-то мне и открылось, какую эмоциональную нагрузку несет музыка. Меня это потрясло. Наверное, именно с тех пор я поглощалось тем, что происходило на экране.

Культура: Помните свое самое раннее произведение?

Бурс: Конечно, я как раз впервые влюбился. Мне было лет 13–14, я написал небольшой отрывок и назвал его *End of light*.

Культура: Как начался Ваш роман с кино?

Бурс: Я всегда много общался с выпускниками киношколы, академии изящных искусств. Мы делали какие-то короткометражки, снимали видео, и по-настоящему приступил к работе в кинематографе, когда в 1996 году познакомился с Мишель Хазанавичусом. Надо же, давать лет уже прошло. Мишель тогда занималась рекламой. Я помог ему с несколькими роликами. Затем он снял фильм «Мои друзья». Это был наш первый совместный опыт в полном метре.

Культура: Как у Хазанавичуса зародилась идея сделать немое кино?

Бурс: «Друзей» приняли не слишком хорошо. Мишель страшно переживал. Тогда мы с компанией решили отправиться отдохнуть на остров Форментера. Однажды на пляже кто-то спросил Хазанавичуса, что он собирается делать дальше. Он ответил: «сниму черно-белый немой фильм». Все были в шоке. Задумка гениальная, но одновременно и рискованная — никто не верил, что подобная картина привлечет людей в кинотеатры. Так что, видите, замысел «Артиста» возник за 11 лет до реализации.

Культура: На что Вы опирались, когда приступили к сочинению партитуры?

Бурс: Обычно в своей работе я основываюсь на сценарии. Если текст мне нравится, то в голове сразу рождаются какие-то мысли. А теперь

ФОТО: ВЕЛЕС/СТРИМ



представьте, как выглядит сценарий немого фильма. Передо мной был, скорее, план съемок. Естественно, никаких диалогов, подробностей. Информации катастрофически не хватало. Хорошо еще Мишель прекрасно рисует. Я попросил его по-делаю раскраской, которую он сделал. И когда, к примеру, я сочинял тему главной героини — Пеппи Миллер — ее портрет висел у меня перед глазами. Кроме того, я искал вдохновение в реальных историях актеров и музыкантов того времени. Нашел изображение женщиной той эпохи, похожей на Пеппи. Так что, можно сказать, творил по фотографии. При этом я был ограничен во времени, а написать нужно было очень много. В итоге работа заняла год.

Культура: В немом фильме мелодия в каком-то смысле заменяет диалоги...

Бурс: Вы верно сказали — в каком-то смысле. Музыка не заменяет диалогов, она рождает эмоции. Вы можете слушать одну и ту же мелодию в моменты счастья или когда вам грустно, и она будет иметь совершенно разное звучание. Допустим, Тарантино далеко не всегда использует треки, специально написанные для его картин. Порой для сцен насилия он специально выбирает очень красивую и нежную музыку. Она входит в противоречие с тем, что происходит в кадре, но этот диссонанс дает иное понимание даже самым жестким сценам.

Культура: Эрик-Эмманюэль Шмитт утверждает: Бах — это музыка, написанная Богом, Моцарт — которую слушает Бог, а Бетховен убеждает Создателя отправиться на кануну... А каков Ваш любимый композитор?

Бурс: Сонет нет. Скорее, наоборот. Когда фильм вышел в прокат, мы не думали, что будет ажиотаж, полные залы. Такое предсказать нельзя. Вы не можете сами утверждать, что создали шедевр. Решать зрителям. Как только вы представили свой труд на суд публики, он вам больше не принадлежит.

Культура: Расскажите, как состоялось Ваше знакомство с Эрнсто ван Тилом?

Бурс: Мы встретились во время записи музыки к фильму. К финалу я страшно устал и сильно нервничал. И тут появился Эрнсто, спокойный, уверенный, обнадеживающий. Мне это сразу понравилось. Все пять дней, что велась запись, вокруг царила потрясающая атмосфера. Музыкантам удалось создать что-то невероятное. Оркестранты буквально влюбились в партитуру. Эрнсто дифирировал так, будто бы это последний концерт в его жизни. Тогда мы и решили продолжить сотрудничество. Я безумно благодарен Эрнсто за то, что он рядом. Горжусь этим.

Культура: Как работалось с оркестром Павла Когана?

Бурс: Прекрасно. Коллектив великолепен. К тому же мы играем в Консерватории, удивительное место, особенная атмосфера зала, я ощущаю незримое присутствие всех, кто когда-то здесь выступал.

Культура: Вы впервые приехали к нам. Каковы Ваши впечатления?

Бурс: Мне здесь очень нравится. Я очарован Москвой, хотя понимаю, что это далеко не вся Россия. Каждый раз, когда смотрю на Кремль, чувствую, в какую величественную страну попал.



Карлсен — Карякин: шашки наголо



Дмитрий ЕФАНОВ

В Нью-Йорке завершился матч за звание чемпиона мира по шахматам. Норвежец Магнус Карлсен в остройшей борьбе с россиянином Сергеем Карякиным смог отстоять звание сильнейшего на планете.

Впервые за восемь лет на титул претендовал отечественный гроссмейстер. Карякин заслужил шанс, победив на изматывающем турнире претендентов, где каждый соперник видел себя будущим чемпионом. Тем не менее блестящий успех россиянина не впечатлил всевозможных экспертов, в которые в один голос пророчили триумф норвежцу.

Отчасти это объясняется тем, что репутация Карлсена порядком опередила его реальные возможности. Магнуса сравнивали с безшибочной машиной, под чудо-вичным прессом которой сломается любой претендент. Трехнедельная битва в Нью-Йорке показала, что это далеко не так.

Если оставить в стороне приписываемые чемпиону гипнотические способности, то — помимо природного таланта и тактической гибкости — «кинг» берет от оппонентов измором. Многоопытный Виши Аранд, три года назад на экваторе чемпионского сражения был настолько измотан, что в конечном итоге сдал концовку практически без боя. В 2014-м в Сочи — картина повторилась.

В противостоянии с Карякиным поклонники норвежца ожидали столь же убедительного превосходства. И простились. Стоило учиться, что Сергей — ровесник Магнуса, и с помощью своей профессиональной команды серьезно подготовился к матчу, не только тактически, но и физически.

Партию за партией россиянин уверенно выдерживал давление, блестяще работая в защите. Гром грянул в восемьмом «раунде», когда Карякин черными прервал ничейную «засуху». В этот момент с норвежца слетела маска безущей машины, и он в одночасье превратился в дерганого молодого человека, сбегающего с пресс-конференции через две минуты после ее начала.

Шахматный мир всполошился. Назревала сенсация. В подобных ситуациях боксеры обычно бросаются добиваться противника. Сергей мог победить в девятой партии и не уступить в десятой, если бы пошел на вариант с вечным шахом, но не рискнул.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Евгений ТОМАШЕВСКИЙ, чемпион Европы 2009 года:

— Накануне встречи многие специалисты явно занимались возможностями Карякина. И для них стало сюрпризом, что классическая часть закончилась внезапно. Слышны разговоры, что белые фактически не создали угрозы черным. Это объяснимо. В матчах, когда можно детально подготовиться к большинству вариантов, преимущество белых утрачивает силу. Черные благодаря домашним заготовкам порой представляют даже большую угрозу.

Юрий БАЛАШОВ, победитель шахматной Олимпиады-80:

— Приятно, что наш соотечественник после длительного перерыва сыграл в матче за звание чемпиона мира. Он прекрасно выглядел в классических шахматах. В то же время Карякин не предложил новых идей. Если Сергей хочет вернуться к борьбе за титул, то необходимо делать поступательные шаги вперед.

Вячеслав Иванов:

«Свое брал на последних метрах дистанции»

Дмитрий ЕФАНОВ

Современному поколению болельщиков трудно представить, что в советское время академическая гребля была сверхпопулярна, а чемпионов узнавали на улицах не меньше, чем футбольных или хоккейных звезд. Русская земля с завидным постоянством являла талантливых атлетов, но даже на их фоне выделялся фигура Вячеслава Иванова.

Московский школьник

впервые сел в лодку в

четырнадцать и спустя

всего четыре года стал

олимпийским чемпионом, а

впоследствии еще дважды

повторил грандиозный

успех.

История жизни выдающегося спортсмена нашла отражение на страницах автобиографической книги «Затяжной спрут». Накануне презентации издания Вячеслав Николаевич ответил на вопросы «Культуры».

культура: «Затяжной спрут» — отдельное произведение или своеобразная вариация Вашей книги 1971 года «Ветры олимпийских озер»?

Иванов: Своего рода продолжение. Есть определенные пересечения, но на 90 процентов «Затяжной спрут» — новая работа.

культура: Как возникла идея спустя почти полвека опять взяться за перо?

Иванов: Не смог отказать коллегам, которые давно просили написать наглядное пособие по нашему виду спорта. Книга рассчитана на массового читателя, но в первую очередь будет полезна молодым спортсменам, и не только гребцам. Хотелось поделиться с подрастающим поколением секретами мастерства. К слову, многие тактические моменты заимствованы мной из легкой атлетики. Из бега на средние дистанции.

Неоднократно критиковал современных тренеров, которые неверно выстраивают план на гонку. Ребята со старта гребут из всех сил, а на финиш накатывают не в состоянии. Поэтому на крупных соревнованиях порой в финалы не попадают. Я же, напротив, свое брал на последние метры.

А чтобы побеждать, лидируя на протяжении всей дистанции, надо быть на голову выше конкурентов.

культура: Последние неудачи отечественных гребцов связаны исключительно с тактическими просчетами или есть и другие причины?

Иванов: Таковых целый комплекс. Присутствуют пробелы в физической подготовке. Гребцы практически забросили зи-



мой тренировки на лыжах. Из бассейна вообще не выбираются. Нельзя этого делать. В свое время все выходили на лыжи и бегали по 30–50 км. Сейчас же перегибают с тренажерами, от занятых на которых не получили нужного эффекта. Набирают массу, но совсем не развивают скоростную выносливость. К тому же теряется эластичность мышц. Поэтому со старта рвут, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее упомянули. Но Вас же еще отличала прямая посадка в лодке, хотя большинство предпочитают гребти наклонившись вперед...

Иванов: Это чисто технический момент. О чем современные тренеры перестали задумываться. Лишились удовольствия разивать темп 54–56 гребков в минуту. Отвечаю: за счет техники. Она в академической гребле имеет особое значение. К примеру, новозеландцы не скрывают, что учились по моей книге и многое в своей подготовке из нее переняли.

культура: В юности Вы удачно начались на соревнованиях по боксу, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее упомянули. Но Вас же еще отличала прямая посадка в лодке, хотя большинство предпочитают гребти наклонившись вперед...

Иванов: Помимо бокса отдавал

немало времени и легкой атлетике,

поэтому в гребле пришел

уже физически развитым юношем.

В первое время даже удавалось

заниматься боксом. Позже

заказывали в Англии — стои-

мостью с хорошей автомобиль.

Она была полностью из красного дерева. В наши дни подобная

«техника» стала достоянием музеев.

культура: В юности Вы удачно начались на соревнованиях по боксу, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее упомянули. Но Вас же еще отличала прямая посадка в лодке, хотя большинство предпочитают гребти наклонившись вперед...

Иванов: Помимо бокса отдавал

немало времени и легкой атлетике,

поэтому в гребле пришел

уже физически развитым юношем.

В первое время даже удавалось

заниматься боксом. Позже

заказывали в Англии — стои-

мостью с хорошей автомобиль.

Она была полностью из красного дерева. В наши дни подобная

«техника» стала достоянием музеев.

культура: В юности Вы удачно начались на соревнованиях по боксу, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее упомянули. Но Вас же еще отличала прямая посадка в лодке, хотя большинство предпочитают гребти наклонившись вперед...

Иванов: Помимо бокса отдавал

немало времени и легкой атлетике,

поэтому в гребле пришел

уже физически развитым юношем.

В первое время даже удавалось

заниматься боксом. Позже

заказывали в Англии — стои-

мостью с хорошей автомобиль.

Она была полностью из красного дерева. В наши дни подобная

«техника» стала достоянием музеев.

культура: В юности Вы удачно начались на соревнованиях по боксу, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее упомянули. Но Вас же еще отличала прямая посадка в лодке, хотя большинство предпочитают гребти наклонившись вперед...

Иванов: Помимо бокса отдавал

немало времени и легкой атлетике,

поэтому в гребле пришел

уже физически развитым юношем.

В первое время даже удавалось

заниматься боксом. Позже

заказывали в Англии — стои-

мостью с хорошей автомобиль.

Она была полностью из красного дерева. В наши дни подобная

«техника» стала достоянием музеев.

культура: В юности Вы удачно начались на соревнованиях по боксу, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее упомянули. Но Вас же еще отличала прямая посадка в лодке, хотя большинство предпочитают гребти наклонившись вперед...

Иванов: Помимо бокса отдавал

немало времени и легкой атлетике,

поэтому в гребле пришел

уже физически развитым юношем.

В первое время даже удавалось

заниматься боксом. Позже

заказывали в Англии — стои-

мостью с хорошей автомобиль.

Она была полностью из красного дерева. В наши дни подобная

«техника» стала достоянием музеев.

культура: В юности Вы удачно начались на соревнованиях по боксу, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее упомянули. Но Вас же еще отличала прямая посадка в лодке, хотя большинство предпочитают гребти наклонившись вперед...

Иванов: Помимо бокса отдавал

немало времени и легкой атлетике,

поэтому в гребле пришел

уже физически развитым юношем.

В первое время даже удавалось

заниматься боксом. Позже

заказывали в Англии — стои-

мостью с хорошей автомобиль.

Она была полностью из красного дерева. В наши дни подобная

«техника» стала достоянием музеев.

культура: В юности Вы удачно начались на соревнованиях по боксу, а потом... Как говорится, сила есть — ума не надо.

культура: Название книги соответствует Вашему стилю на дистанции, о котором ранее



ФОТО: ЕВГЕНИЙ СОЛНЦЕВ/ИТАР-ТАСС/ИА НОВОСТИ

Диана Арбенина:

«Рокер должен хоть раз выбросить телевизор в окно»

Андрей КАЛАШНИКОВ

«Ночные снайперы» показали последний альбом «Выживут только влюбленные», дав два больших концерта в Москве и Санкт-Петербурге. Между тем в 2018-м у коллектива юбилий, и Диана Арбенина готовит своей «Армии» — так называют себя фаны группы — и всем нам новое угощение. О планах и взглядах на жизнь певица рассказала корреспонденту «Культуры».

Культура: Альбом у «Ночных снайперов» вышел в феврале, а до Москвы с большим шоу Вы добрались лишь сейчас. Всегда начинаете с провинции?

Арбенина: Когда были помоложе и «позеленее», то новую, необкатанную программу нам требовалось почему-то непременно сыграть в Первопрестольной — и сыграть, понятно, плохо. А дальше ехали по городам и весям, с каждым концертом выступали все лучше и лучше. Но в столице этого превращения уже не видели. Теперь мы поменяли схему.

Культура: Вы держите ответ перед публикой так же, как перед детьми или своими музыкантами...

Арбенина: Ну, публике я ничем не обижаю. Пишу только для себя. Ответственность — да, ощущаю, но это другое, и в песнях я не призываю к насилию, войне, суициду. Однако качество музыки, текстов — это мое личное дело. Даже перед своими детьми — Тёмой и Мартой — я отвечаю не перед, наши жизни идут параллельно, рядом, но не пересекаются. Если Тёма вырастет летчиком, то, ведь самолёт, он не должен думать, держит он передо мной ответ или нет. Надо понимать, что ты рожаешь других людей, и очень скоро они перестанут тебе принадлежать. Так что не

удерживай их на поводке... Говорю я себе.

Культура: Вы ведь рокер? Ко-

гда-то считалось, что это че-

ловек, равнодушный к семье, ма-

териальный благам, беском-

промиссный, борющийся в

песнях и в жизни с несправед-

ливостью...

Арбенина: Я, если можно так сказать, интеллигентный ро-

кер. Неравнодушный к тому, что

происходит вокруг. Любящий

свою семью и страну, объездив-

ший ее вдоль и поперек и зна-

ющий, как живут люди в глубин-

ке. Отнюдь не нищий — худож-

ник не должен быть голодным, это как-то странный миф. Как

вообще можно быть голодным,

если есть руки-ноги, которыми

несложно заработать на хлеб

с маслом? Но при этом могу

себе позволить выкинуть телеви-

зор с третьего этажа отеля.

Культура: Зачем?

Арбенина: А затем, что каждый

рокер должен хоть раз выбро-

сить свой ТВ в окно (смеется).

За моей спиной огромное коли-

чество гостиничных номеров,

пришедших в руины, и столь-

ко же — уставленных цветами.

Уезжая из отеля, всегда прошу

купить цветы и повсюду рас-

ставить их в вазах, чтобы лю-

дям было приятно. Я очень не-

простая, как всякий нормаль-

ный человек, и мне часто быва-

ет стыдно. Я стараюсь не делать

другим подлостей. Вот что для

меня рокерство.

Культура: Быть рокером — это

еще и внедрять рок-тональ-

ность в окружающую среду. А

Вы участвуете в телешоу, поми-

мо песен выпускаете книги ри-

сунков, поете и с пог-звездами

на одной сцене, и в официаль-

ных концертах на Красной пло-

щади...

Арбенина: Красная площадь —

главное место моей страны, по-

чему же на нее не выйти и не

спеть классную песню Талькова

«Чистые пруды»? Что касается

телешоу, то да, я участвовала в

проекте «Главная сцена», и мне

было здорово: много настоящих,

живых коллективов — вы-



ходили, очень быстро настраивались, вживую работали... Им можно было помочь в карьере, и я помогала. И буду помогать дальше — в «народной студии», которую я создаю вместе с людьми, принимавшими участие в нашем краудфандинговом проекте. Основную часть суммы мы вкладываем сами, остальное собираем на специальной платформе: тот, кто покупает лоты, вносит средства в строительство студии. И если то, что делает начинающий артист, мне понравится, именно здесь я помогу ему сделать запись.

Культура: А как поживаются Ваши

протеже Павло Табаков и Иван

Ганзера, побеждавшие в Киеве

на телешоу «Голос краини»?

Арбенина: Ну, за Павло нечего волноваться — он и ранее был состоявшимся звездой, регулярно собирая львовский оперный,

человек просто хотел везде и

всюду побеждать. А вот Ганзера

подался то ли в депутаты, то ли

в их помощники... Не понимаю,

какая политика... У тебя такой голос?

Культура: Часто выступали в

Киеве?

Арбенина: Да. Прекрасный го-

род, столько в нем сплето...

Урок-н-рола ведь нет границ. Музы-

канта должен играть везде, это

мое призвание, мой долг и мой

кайф. Я как-то приехала в Гон-

конг, дала акустический кон-

церт, и после него ко мне по-

дошел местный парень, поблаго-

дарил, попросил передать

привет Виктору Цою. Языки не

поворнулся сказать, что неко-

му, и согласилась. В Штатах на

концертах мне орут: «Передай

привет Шевчуку!» Приходится

передавать.

Культура: Вы сегодня чуть ли

не единственный рокер в аре-

ле светской тусовки...

Арбенина: Это она в моем аре-

ле (смеется). Я к такому отно-

шусь очень легко. Когда меня что-то сильно цепляет, либо иду, как Матросов, вперед, либо, говоря шахматным языком, делаю ход конем. Мне тут летом на церемонии Fashion People Awards вручили премию как рок-иконе, кажется. Пришла, а там такой, ну... просто цвет поплы, ну, просто «махра!» Я скромно села за стол. Вызывают. Выхожу на сцену: «Вам, наверное, странно меня тут видеть, да? И мне тут странно находиться, более того, я с вами всеми и говорю вживую, не под фанеру». Сказала спасибо и ушла. Светские тусовки, помоему, такие беззубые и безвкусные, не представляю, что там вообще можно делать. И песни-то у них — лажа одна...

Культура: И у Валерия Леонтьева, с которым Вы пели в дуэте?

Арбенина: А вот он очень хороший. Трудяга, досконально выверяет свой образ, оттачивает каждую ноту. Яела со многими представителями сильного пола — и он один из самых мощных по мужской харизме. Я это хорошо чувствую.

Культура: Судя по расписанию концертов на «снайперском» сайте, Вы выступаете практически через день. Хотите все деньги заработать? Песни показать? И главное — откуда силы?

Арбенина: Одного или пары концертов в месяц мне бы хватило даже при наличии двоих детей. Мы же играем порядка пятнадцати. Во-первых, рядом музыканты, за которых я несусь ответственность и должна обеспечивать им заработка. А во-вторых, мне самой нравится через день выходить на сцену — и «картина». В 42 я люблю это больше, чем в 25. А сил Бог мне дает не меньше, чем в юности, и даже больше — сейчас я просто научилась правильно расходиться. Хожу в спортзал, занимаюсь боксом.

Культура: Много концертов для «снайперов» означает много релизов, и у Вас масса концертных дисков, акустических альбомов, не говоря уж о номерных... «Армия» ведь этот «боезапас» поглощает? Все расходится?

Арбенина: «Армия» ненастына. Вот я сочинила песню 3 марта, 4-го спела — не удивляйтесь, бывает такое. А 7-го кто-то из фанов может уже заметить в «ВКонтакте»: «Что-то давно ничего новенького не было». И поэтому, знаете, что я теперь с новыми песнями делаю? Я их не пою. Пишу — и держу при себе. Но меня при этом просто разывает.

Культура: Написать мало, надо кому-то спеть?

Арбенина: Конечно. Я все стремлюсь притормозить коней, но группе скоро 25 лет, через полтора года, которые проходят быстро. И я хочу к юбилею выпустить альбом. И уже начинаю им «гореть».

Культура: Что-то для него написано?

Арбенина: К сожалению, написано уже все...

Культура: С годами, получается, стихов и мелодий приходит не меньше, чем в молодости?

Арбенина: Мелодий больше, слов меньше. Почему? Думаю над этим. Наверное, когда они все же находят друг друга, надо быть благодарным Богу, сколько бы Он ни дал. Дает мало — так это, чтобы не писать на потребу, не гнать конъюнктуру, из которой всегда получается шлак, а доводить до ума то, что дается, и стараться отточить это настолько филигранно, что не хватит времени поротьтать.

Культура: А когда и дается, и Вы на сцене таких мыслей не бывает. Я думаю только о том, что конкретно сейчас делаю. Даже если дети болеют — они всегда с людьми, которые им помогут. Так что мы еще ничего особо фатального не переживали. Но, честно говоря, не знаю, смогут ли выйти на сцену, если что-то вдруг случится...

Арбенина: Нет, на сцене таких мыслей не бывает. Я думаю только о том, что конкретно сейчас делаю. Даже если дети болеют — они всегда с людьми, которые им помогут. Так что мы еще ничего особо фатального не переживали. Но, честно говоря, не знаю, смогут ли выйти на сцену, если что-то вдруг случится...

Культура: Вы сегодня чуть ли

не единственный рокер в аре-

ле светской тусовки...

Арбенина: Это она в моем аре-

ле (смеется). Я к такому отно-

ПОД ЗАНАВЕС

И о ПОГОДЕ



КРАСОТА при низких температурах — настоящая красота», — со знанием дела утверждал Иосиф Бродский, уроженец Северной столицы. Правда, говорил он это применительно к Венеции — своему любимому городу. Но, без сомнения, отнести слова можно и к нашему широт